

КОФЕЙНЯ
— НА КРАЮ —
ПУСТОШИ

МАРГАРИТА КИРОВА

Маргарита Кирова

Кофейня на краю пустоши

«Автор»

2026

Кирова М.

Кофейня на краю пустоши / М. Кирова — «Автор», 2026

Что делать бизнес-леди, если её кофейня обанкротилась? 1. Поплакаться. 2. Собрать вещи. 3. Случайно провалиться в другой мир через кладовку и возглавить проклятый кабак в самой жуткой дыре мироздания. Вера Климова выбрала третий пункт. Теперь её клиенты — угрюмые воины, её меню — «жарница» с секретом, а её главная проблема — местный Командор, который смотрит на неё как на безумную, но каждое утро приходит за своей порцией кофе. Тени за дверью шепчут о смерти? У Веры плотный график и невымытые полы. Проклятие Мертвых земель наступает? Сначала оплатите счёт! История о том, что настоящая женщина наведет уют даже в преисподней. А если Темный лорд будет против — что ж, он просто ещё не пробовал её фирменный раф.

© Кирова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний день кофейни	5
Глава 2. Трактир, который хотел умереть	9
Глава 3. Первая ночь у Мёртвых земель	14
Глава 4. Женщина, которая не ушла	19
Глава 5. Горькие косточки	25
Глава 6. Правила дома	33
Глава 7. Голос за дверью	40
Глава 8. Семь дней	46
Глава 9. Завтрак для крепости	53
Глава 10. Лисса считает чужие тайны	59
Глава 11. Ночная чашка	64
Глава 12. Слухи	69
Глава 13. Сахарная ссора	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Маргарита Кирова

Кофейня на краю пустоши

Глава 1. Последний день кофейни

Вера Климова сняла с витрины последнюю ценовую табличку и некоторое время держала её в руке, словно ждала, что картон отменит случившееся.

«Круассан миндальный – 180».

Смешно. Круассанов больше не было. Миндаля тоже. Две недели назад она обещала поставщику оплатить старый счёт до пятницы, потом до понедельника, потом перестала брать трубку, потому что в сорок лет уже умела отличать надежду от унижительного торга с реальностью.

За окнами шёл мелкий ноябрьский дождь – грязный, будничный, совершенно непригодный для красивого начала новой жизни. Он пачкал стекло, собирался на подоконнике мутными дорожками и капал на вывеску кофейни, где буква «ё» давно перегорела, а заменить лампу всё не доходили руки.

«Теплая чашка».

Без точек над буквой название выглядело усталым; Вера тоже.

Вера положила табличку в коробку к остальным: «капучино», «раф ванильный», «сырники с малиновым соусом», «завтрак до двенадцати». На дне лежал короткий список долгов, напечатанный банком с равнодушием к тому, что речь шла о четырёх годах её жизни, а не о просроченном пакете молока.

Она могла бы заплакать.

Наверное, женщина в такой день должна была заплакать. Сесть на пол среди коробок, прижать к груди старый фартук с пятнами шоколада и дать себе право на маленький, приличный нервный срыв.

Вера попробовала: села, посмотрела на фартук и подумала, что его всё равно надо постирать перед тем, как отдать сестре на дачу. Потом поднялась.

– Ну конечно, – сказала она пустому залу. – Даже трагедию нормально устроить не могу.

Пустой зал не возразил.

Стулья стояли на столах ножками вверх. На одной висела тонкая паутинка; Вера раздражённо стёрла её пальцем. Бизнес закончился, аренда закончилась, мечта тоже, а пройти мимо пыли она по-прежнему не могла.

Кофемашину забрали утром.

Двое мужчин в одинаковых серых куртках отключали её грубо, по-складски, не замечая, что Вера стоит у стойки и смотрит, как из стены вынимают то, вокруг чего четыре года строилось каждое её утро. Один спросил, где подписать акт. Второй сказал, что аппарат хороший, жалко. Она расписалась и никого не ударила по голове темпером. Значит, день уже можно было считать успешным.

Осталась старая турка.

Медная, чуть помятая, с деревянной ручкой, потемневшей от времени и её пальцев. Отец когда-то привёз её из командировки и заявил, что настоящий кофе варят только так, а все эти аппараты – для людей, которые разучились ждать.

Вера тогда была двадцатилетней, самоуверенной, со стрижкой, которую сейчас называла бы преступлением против шеи. Она смеялась и говорила, что ждать – это роскошь для тех, у кого нет утренней смены. Отец варил кофе медленно, почти торжественно, и каждый раз клал слишком много сахара.

Теперь турка стояла на чистой, уже чужой стойке. Рядом – последняя пачка зёрен. Её любимая обжарка: тёмная, с запахом горького шоколада и дыма.

Вера включила маленькую электрическую плитку, которую арендодатель почему-то не забрал вместе с остальным. Налила воду. Смолола зёрна в ручной мельнице. Металл скрипнул. Запах ударил так, что горло сжалось.

– Не начинай, – сказала она себе. – Кофе не виноват.

Вода прогрелась. Порошок лёг в турку тёмной шапкой. Вера следила, как по краям поднимается пена, дрожит, собирается бежать, и в последний миг сняла турку с огня.

Из горечи она умела вытаскивать вкус. С жизнью этот номер проходил реже.

Она налила кофе в толстую белую чашку без блюдца. Села за столик у окна, где раньше чаще всего работали студенты с ноутбуками, и сделала глоток. Горько. Хорошо.

Часы над дверью показывали десять вечера. До полуночи нужно было закончить с коробками, закрыть воду, оставить ключ под ковриком для хозяина помещения. Завтра придёт новый арендатор. Может, магазин телефонов. Может, маникюрный салон. Помещение быстро обжигут дешёвым пластиком и яркой вывеской, будто четырёх лет здесь не было.

Колокольчик над дверью звякнул. Вера закрыла глаза.

– Закрыто.

Колокольчик звякнул ещё раз, тише – дверь словно задела плечом.

– Я сказала, закрыто.

– Я услышал.

Мужской голос был низким, хриплым и слишком спокойным для позднего посетителя. Нормальные либо извинялись, либо требовали кофе, потому что «ну вы же всё-таки здесь».

Вера повернулась. У двери стоял человек в мокром чёрном плаще.

Он не походил ни на бездомного, ни на пьяного, ни на курьера, заблудившегося в поисках соседней пиццерии. Стоял прямо, не шевелясь, и шум дождя за его спиной почему-то казался неуместным.

Плащ тоже был странный – не театральный и не готический, не из магазина реквизита. Плотная тёмная ткань отяжелела от воды, застёжка доходила до горла, перчатки закрывали запястья. На капюшоне таял снег.

Снег. Вера посмотрела в окно. Там шёл дождь.

– У нас закрыто, – повторила она, уже медленнее.

Мужчина оглядел зал: коробки, перевёрнутые стулья, пустую стойку, турку на плитке.

– Я ненадолго.

– Это не вопрос времени. Это вопрос того, что у меня больше нет кофейни.

– Но кофе есть.

Он не улыбнулся и даже не попытался казаться обаятельным. Это Вера оценила.

– Последняя чашка, – сказала она. – Моя.

– Я заплачу.

– Её нельзя купить.

Он посмотрел на чашку в её руке, потом на неё саму. Фартук, кое-как заколотые волосы и красные от моющих средств пальцы его не смутили. Он разглядывал Веру, как треснувшую чашку: выдержит ещё кипяток или уже нет.

Вере это не понравилось.

– Вы откуда такой красивый? – спросила она. – С ролевого фестиваля смерти и плохих решений?

Мужчина едва заметно моргнул.

– Красивый?

– Не цепляйтесь к второстепенному.

– Я бы попросил самое горькое, что у вас есть.

– У меня есть кофе, просроченный договор аренды и настроение человека, которому нечего терять. Выбирайте.

Он медленно снял перчатку. Пальцы были бледные, длинные. На суставе большого пальца – старый шрам, белый и ровный, как след от тонкого лезвия.

На стойку легла монета.

Монета не походила ни на рубль, ни на евро, ни на сувенир из автомата. Тёмное серебро, почти чёрное; на нём – башня над кривой линией, похожей на расщелину. Когда мужчина отпустил металл, на его большом пальце мелькнул такой же знак: старый круглый ожог, словно монету когда-то вдавили в кожу.

От монеты потянуло холодом.

Холод коснулся кожи вполне отчётливо. Воздух над стойкой задрожал, и вокруг монеты проступил тонкий круг инея.

Она осторожно поставила чашку на стол.

– Заберите.

– Плата честная.

– Я не знаю, чем вы платите, но моя страховка это не покрывает.

– Вам больше не нужна страховка.

Тогда ей стало страшно.

Страх пришёл не красивой волной, а сухостью во рту и тяжестью в плечах. Мозг уже проверял расстояние до выхода, телефона и ножа для лимонов.

Телефон лежал у кассы. Ножа не было. Выход – за спиной у мужчины.

– Послушайте, – сказала Вера ровно. – Я устала. Очень. У меня был длинный день, длинный год и, если честно, не самая выдающаяся жизнь в плане удачных решений. Поэтому я сейчас не буду изображать героиню. Вы забираете свою монету, выходите, а я забываю, что вы сюда заходили.

Он посмотрел мимо неё, на дверь в подсобку.

Дверь была обычная. С облупившейся белой краской, за ней – раковина, швабры, коробка с бумажными стаканчиками и маленькое окно во двор. Вера знала каждый скол на этой двери.

По краям створки потёк серый свет – сырой, холодный, похожий на утро там, где не бывает солнца.

Мужчина снова надел перчатку.

– Поздно, – сказал он.

– Что поздно?

Он не ответил.

Вера медленно поднялась. Ноги стали ватными, однако она пошла не к выходу, а к подсобке.

Странные звуки она проверяла всю жизнь – кофемашины, холодильники, трубы. Разум велел бежать, но рука уже тянулась к двери.

– Не открывайте, – сказал мужчина.

Она остановилась.

– Вы серьёзно думаете, что после такой фразы я не открою?

– Думаю, вы откроете.

– Тогда зачем сказали?

– Чтобы потом не тратить время на сожаление.

Вера едва не рассмеялась, но вместо этого взялась за ручку.

Металл обжёг холодом. Дверь открылась сама. Подсобки за дверью не было.

Исчезли раковина, швабры, коробка с бумажными стаканчиками, двор, мусорные баки и мокрая кирпичная стена соседнего дома.

За дверью стояла ночь.

Снег летел горизонтально, как пепел из огромной печи. В лицо ударил ветер с запахом железа, дыма и залежалой сырости. Перед Верой чернела дорога, за ней – голое поле до самого горизонта, где угадывалась линия стены или скал. Небо без городского света висело низко; казалось, протяни руку – и испачкаешь пальцы в саже.

А прямо над дверью, с той стороны, скрипела вывеска.

Чужие буквы были острыми, похожими на птичьи кости.

Вера стояла на пороге своей подсобки и смотрела на мир, который не имел права существовать.

Сзади звякнул колокольчик. Она обернулась. Кофейня исчезла.

На месте кофейни тянулся тёмный зал с проваленной частью потолка, длинной стойкой и чёрным очагом. Столы были обуглены, исцарапаны, один держался на подложенном камне. В углу на балке висела паутина толщиной с шерстяную нитку.

Человека в плаще больше не было. На стойке лежала монета. А рядом с ней – её медная турка. Вера набрала воздуха.

Потом закрыла дверь, потому что в зал заметало снег.

Правил этого места она не знала. Знала только, что за дверью снег, за стенами чужая смерть, а внутри грязно.

– Нет, – сказала она.

Трактир, если это был трактир, ответил скрипом.

– Я сказала, нет.

Где-то в темноте за стеной завыл ветер. Возможно, зверь. Вера предпочла считать, что ветер.

Вера прислонилась спиной к двери, обхватила себя руками и простояла так, пока холод не полез под фартук, под кофту, под кожу.

Паника поднялась до горла. Вера сглотнула, посмотрела на стойку, грязь, паутину и турку, потом вытерла нос рукавом и сказала:

– Ладно. Сначала найдём тряпку.

Глава 2. Трактир, который хотел умереть

Тряпка нашлась под стойкой.

Когда-то это, вероятно, было тряпкой. Теперь серый комок напоминал мумию небольшого зверя и пах так, словно им вытирали всё подряд, включая последствия убийства. Вера подняла его двумя пальцами, вынесла к двери, приоткрыла её и выбросила в снег.

Снаружи что-то тут же зашуршало. Вера закрыла дверь.

– Приятного аппетита, – сказала она.

Голос прозвучал громко в пустом зале.

Трактир оказался хуже, чем показалось сначала. В темноте грязь сливалась с общим запустением, но стоило Вере найти огарок свечи и разжечь его от странных углей в очаге, как у запустения появились подробности.

Пятна на полу. Засохшая грязь у порога. Липкая полоса на стойке, которую она решила пока считать разлитым пивом, потому что другие версии требовали слишком много душевных сил. Плесень в углу. Следы когтей на дверном косяке. Дохлая мышь под перевернутым табуретом.

Дохлая мышь почти утешала: маленькая, обычная и мёртвая по вполне понятным причинам.

– Ну хоть кто-то здесь вёл себя согласно жанру, – сказала Вера и пошла искать, во что её завернуть.

За стойкой обнаружился ящик. В нём лежали ржавый нож, три деревянные ложки, моток верёвки, два кривых гвоздя и кусок мыла цвета старого сала. Вера понюхала мыло, пожалела, что родилась с носом, но оставила. Нашлась и щётка с жёсткой щетиной: ручка треснула, зато щетина держалась. Для начала этого хватало.

Воды внутри не было. За задней дверью, после короткого коридора с провалившимися досками, обнаружился двор: низкий забор, колодец, почти пустой дровяной навес и небо с непривычно резкими звёздами.

Вера стояла у колодца и дышала паром.

Холод кусал щёки. Снег припорошил кеды, совершенно непригодные для другого мира, зимы и конца света. На Вере были джинсы, свитер, фартук и старый кардиган, в котором она обычно выходила к мусорным бакам. В приличной истории сейчас обнаружили бы сапоги, меч или хотя бы врождённая магия, способная решить вопрос отопления. У Веры обнаружили только кеды.

На горизонте чернела крепость.

Крепость она сначала приняла за скалу. Ветер сдвинул снеговую завесу, и в темноте проступили широкие грубые стены, башни, редкие синие огни. Крепость лежала на каменном выступе тяжёлой тёмной массой, закрывая полгоризонта.

За ней начиналась пустошь.

Вера не понимала, откуда взялась уверенность, но за крепостью начиналась пустошь. Земля там выглядела не просто тёмной или далёкой – мёртвой. Над ровной чёрной полосой не дрожала ни одна звезда.

– Великолепно, – сказала Вера. – Вид на кладбище размером с область. За такое обычно доплачивают.

Колодец оказался рабочим, ведро – дырявым, но не безнадежно. Дважды Вера вытаскивала только половину воды, пока не заткнула щель клочком, оторванным от нижнего края фартука. Вода была ледяная, прозрачная, с металлическим вкусом. Она принесла внутрь три ведра.

На четвёртом руки перестали слушаться, на пятом Вера разозлилась. Злость оказалась полезнее паники: та предлагала лечь на пол и ждать взрослого, а злость напоминала, что пол грязный и лежать негде.

Вера выбрала участок у стойки и начала тереть.

Щётка с визгом скребла дерево. Вода быстро стала чёрной. Под грязью обнаружились тёмные крепкие доски с глубокими порезами. Кто-то когда-то любил это место достаточно, чтобы сделать стойку из хорошего дерева. Потом другой хозяин позволил ей гнить.

– Я тебя понимаю, – сказала Вера стойке. – Но это не повод распускаться.

К утру Вера отмыла кусок пола размером с коврик у входа, вытащила три ведра мусора, нашла мешок странной серой крупы, связку засохших трав и деревянную кружку без ручки. Обнаружилась и лестница наверх, но туда она пока не пошла. На второй этаж заброшенного трактира у мёртвой пустоши стоило подниматься с оружием, союзниками или хотя бы в нормальных ботинках. Из всего списка у неё был только ржавый нож.

Когда в дверь постучали, Вера как раз пыталась развести огонь в очаге. С первого раза не вышло. Со второго тоже. К третьему она была готова заключить сделку с кем угодно, лишь бы угли признали её право на тепло.

Стук повторился – три тяжёлых, совершенно невежливых удара.

Вера взяла нож и сразу пожалела о трёх вещах: что он ржавый, что она не пошла на курсы самообороны и что в случае нападения умеет разве что очень выразительно попросить не пачкать пол.

– Кто там? – крикнула она.

За дверью помолчали. Потом мужской голос сказал:

– Открывай, пока мы не решили, что внутри мёртвяк.

– А мёртвяки обычно открывают?

Снаружи кто-то хмыкнул.

– Не такие разговорчивые.

Вера подошла к двери, но засов не сняла.

– Представьтесь.

– Что?

– Назовите себя. У меня здесь заведение, а не проходной двор.

На этот раз молчание затянулось. Наконец другой голос, моложе и почти весёлый, сказал:

– Да она живая.

– Пока не факт, – проворчал первый. – Живые тоже бывают дурные.

Вера приоткрыла дверь на ширину ладони. На пороге стояли двое.

Оба были в кожаных куртках с металлическими пластинами, тёмных плащах и с настоящими, заточенными мечами у пояса. Первый – широкоплечий, бородатый, лет пятидесяти, с носом, который ломали не меньше двух раз. Второй – молодой, рыжий, с веснушками и глазами человека, ещё не научившегося скрывать любопытство.

Они одновременно уставились на фартук, кеды и нож в её руке.

Рыжий первым поднял ладони.

– Мы не грабители.

– Очень жаль, – сказала Вера. – Грабители обычно приносят с собой мешки. Мне бы пригодились.

Бородатый нахмурился.

– Кто ты?

– Вера.

– Чья?

– Своя.

Рыжий фыркнул. Бородатый глянул на него так, что тот сразу закашлялся.

– Откуда взялась?

Вера оглянулась на зал. На ведро, грязную воду, мышь, завёрнутую в тряпку и забытую на столе.

– Знаете, это длинная история, и я сама пока не одобрила её сюжет.

– Здесь нельзя оставаться, – сказал бородатый.

– Очень ценное замечание. Особенно когда я уже здесь.

– Это Чёрный порог.

Название он произнёс так, словно дальнейших объяснений не требовалось. Вера подождала. Напрасно.

– И что?

Рыжий переступил с ноги на ногу.

– Трактир проклят.

– Он грязный. Не надо преувеличивать.

– Все хозяева умерли, – сказал бородатый.

– Возможно, они не мыли руки.

Рыжий всё-таки улыбнулся. Бородатый не оценил.

– Женщина, ты на Пепельной дороге. В миле от Мёртвых земель. Ночью здесь ходит то, что не должно помнить дорогу к живым. Утром ты пойдёшь с нами в крепость.

– Утром я буду спать.

– Ты не поняла.

– Я многое не поняла. Например, почему у вас мечи, почему над моей подсобкой теперь чужая вывеска и почему снег лежит там, где десять минут назад был московский двор с мусорными баками. Но одно я поняла отлично: если сейчас не вычистить очаг, я замёрзну раньше, чем ваши мертвецы решат зайти на чай.

Оба замолчали. Вера тоже замолчала, потому что в собственных словах впервые услышала, как безумно всё звучит.

Рыжий осторожно спросил:

– Что такое Москва?

Бородатый толкнул его локтем.

– Молчи.

Он снова посмотрел на Веру, теперь настороженно.

– Ты чужачка.

– Блестящий вывод.

– Чужаки здесь долго не живут.

– Местные, как я поняла, тоже не ставят рекорды.

Рыжий отвернулся и кашлянул в кулак.

Бородатый тяжело вздохнул: ему поручили охранять стену от тьмы, а приходилось спорить с женщиной в грязном фартуке.

– Я сержант Бран. Это Терин. Мы из Сольгарда.

– Из той крепости?

Вера кивнула в сторону горизонта.

– Других тут нет.

– Хорошо. Сержант Бран, Терин из Сольгарда, если вы не грабители и не мертвецы, у меня к вам деловое предложение.

– Нет.

– Я ещё не сказала.

– Всё равно нет.

– Мне нужны дрова, нормальная тряпка, сведения о том, где купить еду, и кто-нибудь, кто объяснит, какие твари умеют открывать двери.

– Никакие, если дверь не дура, – сказал Терин.
Бран продолжал молча разглядывать её.
– Я молчу, – сказал Терин.
Вера распахнула дверь шире.
– Взамен у меня есть крыша, очаг, когда я его наконец уговорю, и горячая вода. Скоро будет напиток. Возможно, отвратительный. Но горячий.
– Ты не хозяйка этого места, – сказал Бран.
– Уже спорно.
– У тебя нет права.
– С правами у меня сегодня беда. Зато щётка есть.
Она подняла щётку. Терин глянул на неё с уважением.
– Командору это не понравится.
Слово «командор» напомнило Вере мужчину в плаще – не лицо, которого она толком не рассмотрела, а голос, пальцы и монету со знаком башни.
– Ваш командор часто расстраивается из-за чистых полов?
– Наш командор расстраивается из-за живых дур, которые стоят там, где должны быть мёртвые.
– Какая чувствительная натура.
Даже у Брана дрогнул угол рта.
Потом он снял с плеча связку тонких поленьев и бросил у порога.
– До утра. Потом в крепость.
– Посмотрим.
– Это не просьба.
– Я заметила. Просьбы обычно звучат приятнее.
Бран развернулся. Терин задержался на секунду.
– Очаг тянет плохо, потому что заслонка забита, – сказал он быстро. – Там сверху рычаг. Только не суй руку глубоко, там могли быть гнёзда шипниц.
– Кого?
– Маленькие такие. С зубами.
– Конечно, с зубами. Спасибо, Терин.
Терин улыбнулся уже открыто и побежал за сержантом. Совсем мальчишка.
Вера закрыла дверь и прислонилась к ней лбом.
– Так, – сказала она. – Мёртвые земли. Проклятый трактир. Шипницы с зубами. Командор с настроением налоговой проверки.
Она посмотрела на поленья.
– Зато дрова.
Огонь удалось развести через полчаса. Заслонка действительно была забита. Шипниц не обнаружилось, и Вера записала это в редкие проявления милосердия со стороны новой реальности.
Когда в очаге наконец затрещало, зал изменился.
Уютнее не стало – до уюта было так же далеко, как до нормального юриста по банкротству. Зато тени отступили от стен, отмытая часть стойки блеснула влажным деревом, а медная турка на полке поймала знакомый тёплый свет.
Вера налила в котелок воды, бросила щепоть серой крупы. Крупа пахла пылью и сеном, но голод был сильнее запаха. Она ела, обжигая язык, сидя на перевёрнутом ящике перед огнём.
Снаружи кричал ветер. Внутри было грязно, холодно и страшно, зато горел очаг, а при горящем очаге с отчаянием уже можно торговаться.
Вера пока воспринимала огонь как способ не замёрзнуть. Здесь он значил больше: пустые дома тени обходили равнодушно, а живые слышали.

Дом, в котором для кого-то ставили греться воду, уже переставал быть просто стенами. Ближе к рассвету Вера взяла нож и поднялась наверх.

Лестница скрипела под каждым шагом. На втором этаже было четыре комнаты. В первой – сломанная кровать и следы мышей. Во второй – сундук без крышки. В третьей – окно с выбитым стеклом, заткнутое доской. Четвёртая оказалась меньше остальных, но с целой дверью, узкой кроватью и матрасом, чьи лучшие дни Вера решила не уточнять.

Она сняла кардиган, свернула его вместо подушки и легла не раздеваясь.

Сон пришёл сразу, тяжёлый и быстрый, как падение в колодец.

Перед тем как провалиться, Вера подумала: утром её наверняка заставят идти в крепость. Но сначала она всё равно домоеет стойку.

Глава 3. Первая ночь у Мёртвых земель

Проснулась она от голоса матери.

– Верочка.

Вера открыла глаза.

Комната была тёмной, холодной и чужой. Тени от щелей двигались по потолку, за окном свистел ветер. Вера лежала неподвижно, пока боль в спине, кардиган под головой и запах дыма не вернули память: дверь, снег, трактир, Мёртвые земли.

– Верочка, открой.

Мамин голос шёл снизу, из зала, и звучал точно так же, как в детстве, когда Вера запиралась в ванной после ссоры: ласково, устало, с обещанием не ругать, если дверь откроется сейчас.

Вера села на кровати.

Пол под ногами был ледяной. Вера нащупала кеды, сунула в них ноги, не завязывая шнурки, и взяла лежавший рядом нож – ржавый, смешной, но всё-таки нож.

– Верочка.

Теперь голос звучал внизу, у входной двери. Вера медленно вышла на площадку лестницы.

Внизу было темно. Огонь почти угас, только угли светились красным. Сквозь щели в ставнях просачивался бледный снеговой свет и полосами ложился на столы, стойку, ведро у стены.

– Мам? – сказала Вера прежде, чем успела остановить себя.

В ответ – тишина и тихий скребущий звук по дереву.

– Я замёрзла, Верочка.

Вера спустилась на ступеньку, потом ещё на одну. Не открывая, сказала она себе, и сделала третий шаг.

Она всё понимала. Мать не могла стоять за этой дверью, в чужом мире, среди снега. Мать лежала на кладбище под рябиной; Вера сама выбрала ей тёплый платок в гроб, потому что отец тогда уже плохо понимал происходящее.

Взрослость плохо защищает, когда из темноты зовут тем самым голосом – голосом из времени, когда любая дверь вела домой.

Вера подошла к двери. Засов был тяжёлый, железный. На нём выступил иней.

– Скажи что-нибудь, что могла знать только она, – прошептала Вера.

Снаружи помолчали, затем голос ответил:

– Ты воровала пенку с варенья и мазала на хлеб, пока я думала, что банка плохо закрыта.

Пальцы Веры задрожали.

– Ещё.

– В девятом классе ты спрятала дневник под матрасом, потому что получила двойку по физике. А я нашла и не сказала отцу.

Она задышала часто и неглубоко.

Доски были так близко, что виднелась каждая трещина. За ними стояло невозможное существо с маминым голосом и мамиными воспоминаниями о пенке с варенья.

– Открой, Верочка. Мне холодно.

Вера подняла руку к засову. За спиной раздался мужской голос:

– Ещё шаг – и я сломаю тебе кисть.

Она вскрикнула. У очага стоял незнакомец – не Бран и не Терин. Чёрный плащ, мокрые от снега волосы, резкое лицо в отсветах углей. Высокий, широкоплечий, с мечом; на лезвии густо чернело то, что должно было быть кровью.

Командор – Вера поняла это сразу. Он стоял так, что даже пустой зал оставлял вокруг него свободное место.

– Вы что, все тут входите без стука? – спросила она, и голос сорвался только на последнем слове.

– Задняя дверь была открыта.

– Значит, это не ответ, а признание.

За входной дверью снова прозвучал мамин голос:

– Верочка, кто с тобой?

Мужчина даже не посмотрел на дверь.

– Не слушай.

– Легко сказать.

– Да.

Он подошёл без спешки, но Вера успела понять: захочет – отступить она не успеет. От него пахло морозом, железом и дымом. Под левой бровью тянулся тонкий шрам, от которого взгляд казался тяжелее.

Остановившись вплотную, он взял её за запястье – без грубости, с точностью человека, привыкшего удерживать опасное.

Большой палец лёг на пульс, и Вера с раздражением почувствовала, как предательски быстро он бьётся.

– Если откроешь, оно войдёт, – сказал он.

– Оно?

– То, что носит голоса.

– Прекрасно. У вас тут всё такое поэтичное или это мне в честь прибытия?

Он смотрел прямо на неё. Серые глаза напоминали сталь после закалки – тёмную, холодную, ещё хранящую внутренний свет.

– Ты дрожишь.

– Я в восторге.

– Отойди от двери.

– Сначала отпустите руку.

За дверью мать тихо заплакала. Вера дёрнулась. Мужчина сжал запястье крепче.

– Это не она.

– Вы не знаете.

– Знаю.

– Откуда?

– Потому что мёртвые, которые нас любили, не просят открыть дверь ночью.

Слова попали точно. Вера перестала вырываться.

Плач оборвался, словно перерезали натянутую верёвку. Мамин голос тихо засмеялся – неправильно, без единой знакомой интонации.

Холод прошёл у Веры вдоль позвоночника.

Мужчина развернул её и убрал за свою спину. Вера ещё успела возмутиться, когда дверь содрогнулась от удара – тяжёлого, совсем не человеческого.

Дерево выгнулось. Иней побежал по щелям белыми жилками. Вера увидела, как засов дрожит в скобах.

Мужчина поднял меч.

– К очагу.

– Я не собака.

– К очагу, Вера.

Он знал её имя. Спросить откуда Вера не успела: новый удар расколол доску, и в щель просунулась длинная серо-белая рука.

Тонкие пальцы имели лишние суставы, кожа туго обтягивала кости, вместо ногтей загибались чёрные крючья.

Вера всё-таки отступила.

Мужчина ударил без замаха и без всякой героики. Коротко звякнул металл, хрустнула кость, и отсечённая кисть упала на пол, извиваясь, как паук.

Вера зажала рот рукой.

Из-за двери донёлся визг, уже не похожий ни на мамин голос, ни на голос зверя. У Веры свело зубы.

Командор распахнул дверь.

– Вы с ума сошли? – крикнула Вера.

Но он уже вышел в снег.

В проём ворвался ветер, свеча погасла, угли в очаге разом вспыхнули. В снегу металась высокая переломанная тень; лицо на ней менялось – мамино, чужое, Верино, только утонувшее.

Командор ударил дважды. После третьего удара тень рассыпалась чёрной пылью, и ветер унёс её к пустоши.

Командор вернулся, захлопнул дверь, задвинул засов и постоял, опершись ладонью о дерево.

На его рукаве темнела кровь.

– Вы ранены, – сказала Вера.

– Нет.

– У вас кровь.

– Не моя.

– Утешили.

Он повернулся. Вера впервые увидела его лицо целиком.

Ему могло быть около сорока. Морщины у глаз не знали смеха, губы были сжаты так, словно улыбка нарушала устав. Резкие скулы, тяжёлый взгляд, прямая линия плеч – красивый человек, рядом с которым трудно было расслабиться.

Он смотрел так, словно уже подсчитал будущие неприятности и выбирал, как их остановить.

– Утром ты уходишь в крепость, – сказал он.

– Доброе утро и вам.

– Нет.

– Обычно так говорят люди, которые боятся обсуждения.

– Обычно люди, которые спорят со мной у этой границы, долго не живут.

– Отличный приём. Вы всех новых знакомых очаровываете угрозами или для меня особая программа?

Он снял перчатку. Вера непроизвольно посмотрела на его руку.

На открывшемся запястье чернели тонкие неровные отметины, похожие на следы раскалённых цепей.

Он заметил её взгляд и опустил рукав.

– Ты не понимаешь, где находишься.

– Согласна.

– Тогда почему споришь?

– Потому что это единственное, что пока получается.

Они помолчали. Вера заметила, как мало между ними осталось воздуха: ладонь, запах морозной кожи, крови и стали. Отступать следовало, но никто не отступил.

В очаге треснуло полено, возвращая обоих к незаконченной ночи.

Командор первым отвёл взгляд.

– Запри заднюю дверь.

– Она была заперта.

– Плохо.

– Вы мастер поддержки.

Он прошёл к стойке и осмотрел отмытую полосу пола, вёдра, щётку, турку на полке.

Увидев турку, задержался.

– Это твоё?

– Да.

– Зачем?

– Варить кофе.

– Что?

– Напиток. Горький. Чёрный. Помогает пережить утро и людей.

– Я не знаю такого.

– У вас многое впереди.

Он снова посмотрел на неё. В глазах на мгновение проступило что-то живое – усталость или почти родившаяся улыбка, которую он тут же подавил.

Он достал из внутреннего кармана маленький флакон из тёмного стекла и положил на стойку.

– Для рук.

Вера посмотрела на свои пальцы.

Кожа потрескалась от ледяной воды и щёлока, на костяшках выступила кровь. Вера этого не заметила.

– Это приказ?

– Совет.

– Вы умеете давать советы?

– Редко.

– А имя у вас есть? Или мне так и обращаться: «Человек, который вломился через заднюю дверь и угрожает переломами»?

– Каэль Рейвэн.

Он назвал имя просто, без титула, но зал после него будто стал теснее. Вера кивнула.

– Вера Климова.

– Знаю.

– Откуда?

Каэль надел перчатку.

– Терин сказал.

– Быстро у вас тут разносятся новости.

– На границе мало новостей. Любая новая дурость идёт первой строкой.

– Какая честь.

Он направился к задней двери.

– До рассвета не открывай никому. Даже если голос будет знакомым.

– Каэль.

Он остановился. Имя произнеслось легко для человека, которого она знала пятнадцать минут и который уже успел ей угрожать, спасти жизнь и оставить мазь.

– Что?

– Там правда была не она?

Каэль ответил не сразу. Обернувшись через плечо, он снова стал непроницаемым.

– Правда.

– А если я всё равно хотела открыть?

– Тогда ты живая.

После этих слов он вышел.

Вера долго стояла посреди зала, слушая, как его шаги исчезают за дверью. Потом подняла с пола отрубленную кисть твари, завернула в старую тряпку, вынесла во двор и бросила подальше от порога.

Снаружи опять что-то зашуршало.

– Даже не начинай, – сказала Вера темноте.

Вернувшись, она поставила воду греться, хотя пить не хотела. Нужно было чем-то занять руки.

На стойке лежал флакон.

Она открыла флакон. Мазь пахла сосновой смолой, дымом и горькими травами. На потрескавшейся коже зашипало, затем разлилось тепло.

У входной двери послышался тихий скрип. Вера застыла.

– Верочка? – прошептал её собственный голос с той стороны.

Она взяла щётку, села у очага и не ответила.

Рассвет был ещё далеко.

Глава 4. Женщина, которая не ушла

Утром пришли за ней втроём.

Бран, Терин и невысокий сухой мужчина в овечьем тулупе, похожий на человека, привыкшего считать чужие мешки с мукой и чужие ошибки. На пороге он оглядел зал и поморщился: грязи стало заметно меньше.

– Так, – сказал он. – Значит, правда.

Вера стояла на табурете и снимала с балки паутину. Ночью она почти не спала, под утро задремала у очага, а проснулась с затёкшей шеей и злостью на весь видимый мир. Злость требовала работы: к приходу гостей половина стойки была отмыта, мышь похоронена за забором, а на двери висела записка: «Стучать. Живым тоже».

Бран прочитал записку и вздохнул. Терин улыбнулся. Сухой мужчина прищурился.

– Слезай, женщина.

Вера посмотрела вниз.

– Вы кто?

– Староста Рогатого Ключа. Март Долль.

– Очень приятно. Вера. Я здесь временно управляю катастрофой.

– Ты здесь временно уходишь.

– Все так говорят. Может, у вас это местная форма приветствия?

Март Долль вошёл и постучал сапогом по отмытой доске, проверяя её на прочность или на подлинность.

– Чёрный порог пустует. По праву поселения он считается общим. Держать трактир некому, и держать его незачем. Дорога мертва.

– Не вся, – сказал Терин. – Мы же дошли.

Бран молча повернул голову.

– Я опять молчу, – сказал Терин.

Вера слезла с табурета.

– Мне нужно понять правила. Если место пустует, я могу его арендовать?

Март моргнул.

– Что?

– Арендовать. Взять в пользование. Платить долю, налог, сбор – всё, что у вас тут принято брать с людей, которые ещё не успели заработать.

– Ты не отсюда.

– Это уже установлено.

– У тебя нет рода.

– Зато есть паспорт. Правда, пользы от него, подозреваю, немного.

– Нет поручителя.

– Найду.

Бран издал звук, похожий на подавленный кашель. Март посмотрел на него.

– Нет, – сказал Бран сразу.

– Я ничего не просила, – сказала Вера.

– Попросишь.

– Значит, вы начинаете меня понимать.

Староста снял шапку, пригладил редкие волосы и посмотрел на неё, как на козу, забравшуюся на крышу: гнать надо, но сперва любопытно узнать, как ей это удалось.

– Женщина, ты не понимаешь. Здесь не место для торговли. От крепости до деревни ходят только дозоры. Купцы идут южной дорогой. Те, кто сворачивает сюда, или бедны, или в отчаянии, или скрываются. В Чёрном пороге за пять лет сменилось трое хозяев. Первый

повесился. Второго нашли у колодца без лица. Третья ушла ночью за голосом мужа и вернулась весной, когда растаял снег. По частям.

Терин опустил глаза. Лицо Брана застыло.

Вера вспомнила дверь, мамин голос и руку Каэля на своём запястье. Под фартуком сжались пальцы.

– Тогда мне нужно новое название, – сказала она.

Март беззвучно открыл и закрыл рот.

– Ты слышала, что я сказал?

– Да. Старое название плохое.

– Ты безумная?

– Вопрос сложный. Последние сутки сильно повлияли на выбор ответа.

Бран отошёл к очагу, проверил заслонку и не вмешался.

Март заговорил спокойнее:

– В крепости тебе дадут место на кухне. Или в прачечной. Если командор позволит, получишь койку. Это лучше, чем умереть здесь.

Кухня, прачечная, койка – безопасность в обмен на послушание. Вера посмотрела на турку, отмытую стойку, ведро и щётку. Вчера она потеряла кофейню; сегодня ей предлагали отдать ещё и право решать, чем занять собственные руки.

– Семь дней, – сказала она.

– Что?

– Дайте мне семь дней. Я приведу зал в порядок, попробую накормить ваших дозорных, заработаю хотя бы на дрова. Если за семь дней здесь не будет пользы, я сама пойду в крепость и буду просить работу.

– Просить? – Март сухо усмехнулся. – Ты плохо знаешь командора Рейвэна.

– Зато он уже знает, что я плохо слушаюсь.

У Брана дёрнулся угол рта. Март заметил.

– Сержант?

– Семь дней ничего не изменят, – сказал Бран.

– Вот именно.

– Я имел в виду – для стены. А для людей горячая похлёбка на дороге может и пригодиться.

Март глянул на него с неприязнью.

– Командор приказал забрать её в крепость.

– Командор сказал утром увести её с тракта, – ответил Бран. – Не сказал, куда и как далеко.

– Ты играешь словами.

– Я старый солдат. Других развлечений мало.

Март не улыбнулся.

– Играй словами, пока можешь. Если слух о чужачке уйдёт дальше заставы, сюда придут королевские люди. Они не торгуются о семи днях.

Бран нахмурился.

– До столицы отсюда далеко.

– Бумага ходит быстрее обозов, – сказал Март. – А при дворе любят всё, что можно назвать редкостью.

Вера перевела взгляд с одного на другого.

– Чудесно. Я ещё не разобралась с местными мёртвецами, а уже интересна государству.

– Корона интересуется не людьми, – сказал Бран. – Пользой.

Терин отвернулся к окну, пряча улыбку.

Вера решила, что сержант Бран ей нравится – осторожно, без лишней веры в человечество.

Март подошёл ближе.

– Семь дней, чужачка. Потом я лично приду с бумагой, и ты уйдёшь.

– Если за эти семь дней я заработаю?

– Чем? Грязной водой?

– Горячей грязной водой. Люди платят за такое удивительно охотно.

– Если зарабатываешь на недельный сбор и дрова, поговорим.

– Сколько?

Он назвал сумму в медных шейках. Вера не знала местных цен, но лицо Терина сообщило всё необходимое: сумма была неприличной.

– Отлично, – сказала она.

– Ты не знаешь, что это значит.

– Зато вы знаете. Будете приятно удивлены, если я справлюсь.

Март фыркнул, надел шапку и направился к выходу. У двери остановился.

– После заката никому не открывать. Соль на порог. Железо у двери. Если услышишь плач ребёнка – не жалеть. Если услышишь своё имя – не отвечать.

– А если услышу налогового инспектора?

Март не понял шутки.

– Тогда точно не открывай, – сказал Терин.

Бран не выдержал и коротко хохотнул.

Староста ушёл злой. Бран задержался и поставил на стойку небольшой мешок.

– Что это?

– Соль. Немного сушёного лука. Кусок сала. Не подарок. Запишешь в долг.

– У меня теперь есть долговая книга? Чувствую себя почти дома.

Бран, уже взявшийся за дверь, обернулся.

– И ещё. Имена за порог не бросай. Огонь, порог и имя – три вещи, которые Мёртвые земли слышат лучше всего. Огонь зовёт живых. Порог решает, кого впустили. Имя держит человека у дома. Отдашь одно – они потянут за остальное.

Вера посмотрела на него поверх мешка с солью.

– У вас даже инструкция по выживанию звучит как недописанная молитва.

– Молитвы тут дольше правил не живут, – сказал Бран. – Правила полезнее.

– Долги помни. Двери запирай. Командора не дразни.

– Поздно по всем пунктам.

Бран покачал головой.

– Ты не понимаешь, кто он.

Вера взяла мешок. Его вес приятно оттянул руку: соль существовала, долг существовал, значит, и её положение здесь становилось чуть менее призрачным.

– А он понимает, кто я?

– Ему не нужно.

– Вот в этом вы ошибаетесь, сержант.

Бран внимательно посмотрел на неё и кивнул, что-то для себя решив.

Когда они ушли, трактир стал тише.

Семь дней. Вера достала кривую дощечку и уголь, села за стойку и составила список: отмыть зал; проверить кухню; найти еду, которую можно продать, а не просто пережить; разобратся с деньгами; не умереть. Подумала и добавила шестой пункт – придумать напиток.

Кофе был невозможен. Последняя пачка зёрен осталась в старом мире вместе с арабикой, робустой, поставщиками и разговорами о кислотности и помоле. Здесь были Мёртвые земли, соль на пороге и люди, для которых горячая вода уже служила доводом против отчаяния.

Но в углу за кухней стоял мешок странных косточек.

Вера заметила мешок ещё ночью, но тогда не осталось сил. Теперь вытащила его на свет. Овальные серо-коричневые косточки с тонкой бороздкой пахли сухой травой, пылью и маслом.

Она раздавила одну плоской стороной ножа.

Кофе они не напоминали. Зато в плотной сердцевине чувствовались горечь и масло; под пальцами проступал слабый тёплый запах.

Она взяла старую сковороду, высыпала горсть косточек и поставила на огонь.

Через минуту запах испортился, через две стал невыносимым, а на третьей в дверь постучали.

На пороге стоял Терин со свёртком, без Брана.

– Сержант велел передать. – Терин положил свёрток на стойку. – Тряпки. Не новые, но чистые. Почти.

Вера закашлялась от дыма.

– Спасибо. Не стой на пороге, заходи, если не боишься отравиться экспериментом.

Терин втянул носом воздух и побледнел.

– Что ты жжёшь?

– Надежду.

– Пахнет как сапог шипницы.

– Сапоги у них тоже с зубами?

– У шипниц нет сапог.

– Вот и не мешай научному процессу.

Он вошёл, положил свёрток, осторожно приблизился к сковороде.

– Это жарница.

– Она съедобная?

– Для ящеров.

– Ясно.

– Люди её не едят.

– Прекрасно. Значит, конкуренции на рынке не будет.

Терин смотрел на неё со страхом, любопытством и явным желанием дождаться результата.

– А что ты хочешь с ней сделать?

Вера сняла сковороду с огня. Первая партия была чёрной, дымящейся и явно готовой убить слабого духом.

– Напиток.

– Из корма для ящеров?

– В моём мире люди пьют то, что проходит через кишечник зверька и после этого стоит как хорошая обувь. Корм для ящеров – не самая странная отправная точка.

– Не спрашивай, – сказала Вера.

Остаток дня они работали.

Терин оказался полезным. Он показал, как складывать местные поленья, чтобы они не плевались искрами. Рассказал, что синяя соль отпугивает мелких теней, но портит суп. Притащил из двора ведро песка для чистки котлов. За это Вера накормила его серой кашей с салом и луком.

Он ел с таким усердием, будто давно не видел горячей еды.

– В крепости плохо кормят? – спросила она.

– Кормят нормально.

– Ты ешь так, словно тебя впервые отпустили в отпуск.

Терин смутился.

– Горячее. И без крика.

Вера не пошутила. Ответ Терина лёг между ними рядом с нарезанным луком, и она оставила его в покое.

После полудня пришла низкая плотная женщина с ведром молока, красными руками и недоверчиво поджатыми губами.

– Март сказал, чужачка берёт продукты в долг.

– Беру, если не отравлены.

– Отраву за отдельную плату.

– Дорого?

– Для тебя скидка. Всё-таки помрёшь быстро.

Вера и женщина несколько мгновений изучали друг друга, затем одновременно усмехнулись.

Её звали Грета. Она держала трёх коз, ненавидела крепостных поваров и сказала, что, если Вера сделает из молока «синюю воду для господ», она заберёт ведро обратно.

– Я сделаю из него то, за что люди будут платить.

– Люди здесь платят за соль, железо и похороны.

– Значит, добавим четвёртый пункт.

Грета фыркнула, но молоко оставила.

К вечеру в трактире появились чистые тряпки, молоко, лук, соль, сало, две глиняные кружки, старый котелок без крышки, мешок жарницы и список долгов. Последний грел почти лучше очага: долги означали, что этот мир признаёт Веру участницей обмена – неприятной, подозрительной, временной, но всё-таки участницей.

Она снова взялась за жарницу.

Вторая партия получилась не чёрной, а рыжей. Пахла травой и мокрой соломой. Вера растёрла косточки между двумя камнями, заварила кипятком, попробовала и сразу выплюнула.

– Нет.

Терин, сидевший у двери с кружкой воды, вздрогнул.

– Что?

– Это оскорбление.

– Кого?

– Всех.

Третью партию Вера жарила медленнее, сдвинув сковороду к краю огня и постоянно мешая. Косточки посерели, пожелтели, налились коричневым. Одна тихо лопнула, и запах изменился.

Трава и дым остались, но под ними проступили ореховая кожура, ржаная корка, горький мёд и тёплая земля после долгого сухого лета. Это всё ещё был не кофе, однако запах отозвался болезненно знакомым теплом.

Вера закрыла глаза и улыбнулась.

– Вот ты где.

– Кто? – шёпотом спросил Терин.

– Утро.

Он ничего не понял. Это было нормально.

Она сняла сковороду, дала косточкам остыть, растёрла их тщательнее. Заварила в медной турке, потому что другие сосуды для такого варварства не годились. Напиток поднялся тёмной пеной. На поверхности дрожали масляные пятна.

Вера налила напиток в кружку, понюхала и сделала глоток.

Горечь ударила сразу – грубая, дикая, без привычной глубины. Следом пришло тепло. До родного кофе было далеко, но у напитков явно обнаружилось родство, пусть и с тем родственником, которого растили сквозняки и камни.

Вера рассмеялась. Терин подался вперёд.

– Хорошо?

– Ужасно.

– Тогда почему ты смеёшься?

– Потому что это можно исправить.

Она добавила немного молока. Щепоть соли. Крошку синего сахара, который Грета принесла в обмен на обещание не портить молоко. Размешала.

С молоком, щепотью соли и крошкой синего сахара стало лучше. До идеала далеко, зато напиток уже жил.

– Пей, – сказала она Терину.

Он взял кружку, будто ему передавали яд с инструкцией по применению.

– Если я умру, скажи сержанту, что это была моя вина.

– Если умрёшь, я скажу, что ты не оплатил.

Терин глотнул, скривился, покраснел и закашлялся. Потом с сомнением заглянул в кружку.

– А можно ещё?

Тяжесть, лежавшая внутри весь день, немного отпустила.

– Можно, – сказала она. – Но уже за деньги.

Глава 5. Горькие косточки

Первым настоящим покупателем стал не Терин, хотя сам Терин утверждал обратное.

Он даже положил на стойку медную шейку с видом инвестора, вложившегося в великое дело. Но монета была занята у Брана, а вечером сержант забрал её обратно, заявив, что солдатская глупость торговлей не считается.

Покупателем оказался возчик с южной дороги.

Он появился на рассвете третьего дня, промёрзший, злой, с двумя выючными ящерами и телегой, полной мешков с серой шерстью. Ящеры были размером с корову, только ниже, шире и с глазами старых бухгалтеров. Они жевали снег у крыльца и смотрели на Веру так, будто знали о её долгах больше банка.

Возчик вошёл, стряхнул с шапки снег и сказал:

– Есть горячее?

Вера подняла голову от сковороды.

Она уже третью ночь почти не спала: днём мыла, чинила, торговалась и таскала воду, ночью жарила жарницу, потому что её запах помогал не слушать то, что ходило за дверью. Под глазами наверняка залегли тени, волосы жили отдельной жизнью, на фартуке появились новые пятна, уже местного происхождения. Зато стойка была чистой, а очаг горел.

– Есть, – сказала она. – Каша. Похлёбка будет к полудню. Горячий напиток сделаю сейчас.

– Пиво?

– Утром?

– Здесь край Мёртвых земель.

– Тем более.

Возчик посмотрел на неё с подозрением.

– Ты новая дурная хозяйка?

– Вера.

– Я спросил не имя.

– А я ответила так, как решила.

Он хмыкнул.

– Сколько за горячий напиток?

Она назвала цену. Он выругался. Вера не знала слова, но тон был международный.

– За это я должен получить поцелуй вдовы и благословение трёх богов.

– У меня только напиток и чистая кружка. Поцелуй и боги в соседнем заведении.

– Соседнего нет.

– Вот именно.

Возчик оглядел её с головы до ног и бросил на стойку две монеты.

– Если дрянь, заберу обратно.

– Если дрянь, я сама назову её бесплатной пробой.

Она готовила при нём, не торопясь. Это было частью дела. В старой кофейне люди любили смотреть, как рождается чашка. Даже те, кто потом заливал напиток сиропом до состояния десерта, всё равно смотрели. Помол, пар, движение руки – маленький театр доверия. Здесь театр был грубее: огонь, сковорода, камень вместо мельницы, турка, которую Вера уже начала считать единственной родной вещью в этом мире.

Возчик втянул воздух: сначала недовольно, затем с интересом.

– Это жарница?

– Была.

– Её ящерам дают.

– Я в курсе. Ящеры пока не жаловались.

Один из ящеров за окном глухо фыркнул, будто возражал.

Вера налила напиток в кружку, добавила немного молока, поставила перед возчиком.

Он выпил слишком быстро и тут же пожалел. На лице последовательно проступили недоверие, боль, оскорбление, размышление и осторожный интерес.

– Горько, – сказал он.

– Да.

– Странно.

– Да.

– Согревает.

– За это и деньги.

Он допил и поставил кружку.

– Ещё.

Вера не улыбнулась. Профессиональная гордость требовала выдержки.

– С молоком или крепче?

– Крепче.

Когда он ушёл, оставив на стойке ещё три монеты и пообещав рассказать дальше по дороге, что трактир снова работает, Вера позволила себе сесть.

На третьи сутки у Веры появился первый настоящий покупатель и пять честно заработанных монет.

До недельного сбора, дров и тем более безопасности было далеко. Но пять медных кружков лежали перед ней и означали простую вещь: она выжила, что-то продала, а человек попросил вторую чашку.

Это был язык, который Вера понимала.

К полудню пришли двое солдат. Потом Грета зашла проверить, не испортила ли чужачка молоко. Попробовала напиток, сказала «гадость», выпила до дна и потребовала платить за следующее ведро заранее. Потом появился мальчик лет десяти, худой, в слишком большом тулупе. Он молча поставил у двери ведро воды.

– Ты чей? – спросила Вера.

Мальчик пожал плечами.

– Имя есть?

Он кивнул.

– Пользуешься?

Мальчик покачал головой.

Вера не стала давить. Поставила перед ним миску каши.

– За воду.

Он долго смотрел на миску, проверяя, не потребуют ли за неё больше, чем обещано.

– Можно есть здесь, можно забрать. Ложку вернёшь. Если не вернёшь, я найду тебя и буду очень занудной.

Мальчик сел у самого края лавки и ел быстро, но тихо.

Терин, пришедший позже, шепнул, что его зовут Сай. Родители погибли прошлой зимой. Мальчишка живёт то у кузнечихи, то в пустых сараях, говорит редко.

– Он не немой?

– Нет. Не тратит слова.

– Разумная привычка.

Терин улыбнулся в кружку.

– Командор говорит почти так же.

При имени Каэля Вера вспомнила, что с утра после каждого стука поглядывала на дверь. Это раздражало.

Он угрожал сломать ей кисть, приказал уйти в крепость, оставил мазь и исчез. Для интереса фундамент сомнительный, а времени на мужчин с мечами, шрамами и привычкой появляться в темноте у неё всё равно не было.

– Ваш командор пьёт что-нибудь, кроме чужой крови и дисциплины? – спросила она.

Терин поперхнулся.

– Не говори так при сержанте.

– Значит, при самом командоре можно?

– При самом командоре лучше вообще дышать тише.

– Усталый человек.

Терин перестал улыбаться.

– Он не спит.

Вера отставила сковороду.

– Совсем?

– Почти. Говорят, раньше спал. До большого прорыва. Теперь, если закрывает глаза, то видит Мёртвые земли. Иногда слышно, как он ходит по стене всю ночь. Один. Даже когда дозор сменили.

Вера вспомнила его лицо у двери – не бесчувственное, а истощённое бессонницей до резких теней под скулами.

– Кошмары? – спросила она тихо.

Терин посмотрел на неё с испугом.

– Не спрашивай об этом.

– Я у тебя спрашиваю, а не у него.

– Всё равно. О нём так не говорят.

– Как?

– Как о человеке.

Оба замолчали. Вера медленно вытерла руки о фартук.

– А он кто?

Терин долго молчал. Потом сказал:

– Командор.

Этого ответа было достаточно, чтобы стало холоднее.

К вечеру Терин попросил кружку «с собой». Такого выражения в местном языке, кажется, не было, но он быстро понял смысл, когда Вера налила напиток в маленький глиняный кувшин с пробкой.

– Для кого? – спросила она.

– Для себя.

– Врёшь плохо.

Он покраснел.

– Командор спросил, где я взял утренний напиток.

Сердце ударило сильнее, и Вера рассердилась на себя.

– И ты сказал?

– Я же не самоубийца. Сказал, что в трактире.

– А он?

– Сказал: «В Чёрном пороге не бывает ничего хорошего». Потом забрал мою кружку.

– И?

Терин почесал нос.

– И велел принести ещё. Если ты не отравила меня специально.

Вера взяла кувшин и, ругая себя за ненужную старательность, вытерла горлышко, выбрала лучший из трёх сохранившихся и добавила молока ровно столько, чтобы смягчить горечь, не превратив напиток в сладкую воду.

– Передай, что это не бесплатная дегустация.

– Передам.

– И что в следующий раз пусть приходит сам, если у него есть претензии.

Терин побледнел.

– Это тоже передать?

Вера подумала.

– Нет. Это я сказала для себя. У тебя ещё вся жизнь впереди.

Терин ушёл. После заката рабочее упрямство уже не спасало от страха.

Днём ещё верилось, что порядок и работа победят всё. Ночью за ставнями шевелился снег, со стороны пустоши доносился длинный вздох, соль на пороге темнела пятнами. Вера проверяла засовы каждые полчаса и злилась на дрожь в руках.

Она сделала себе кружку жарницы без молока, крепкую, горькую до слёз.

Выпила у стойки.

– Нормально, – сказала пустому залу. – Бывало хуже.

Пустой зал, как обычно, вежливо промолчал.

Она собиралась закрыть кухонные ставни, когда снаружи послышались спокойные человеческие шаги.

Вера взяла нож, подумала и вооружилась ещё чугунной сковородой.

В дверь коротко стукнули один раз. Вера подошла.

– Кто?

– Каэль Рейвэн.

Вера закрыла глаза. Разумеется.

– Докажите.

Каэль помолчал.

– Ты спорила со мной у двери, которую хотела открыть мёртвому голосу. На тебе были неподходящие башмаки. Ты назвала меня человеком, который вломился через заднюю дверь и угрожает переломами.

– Убедительно.

– Откроешь?

– Думаю.

– Вера.

Имя, произнесённое его голосом, заставило её снять руку с засова и тут же вернуть обратно.

Мягкости в голосе не было – Каэль, вероятно, вообще не умел говорить мягко. Но приказа тоже не было: только усталость и едва заметная просьба.

Она сняла засов.

Он стоял на крыльце в снегу, без капюшона. Тёмные волосы намокли и прилипли к вискам. На плечах белела изморозь. Лицо было таким же закрытым, как в первую ночь, но под глазами лежали глубокие тени.

Он посмотрел на сковороду в её руке.

– Ожидала нападения?

– Всегда приятно быть готовой.

– Сковородой?

– Вы не видели, как я готовлю омлет.

Каэль вошёл. С его появлением теснее стало даже у пустых столов.

Дело было не в росте, хотя маленьким его не назовёшь. Опасность вошла вместе с ним и заняла привычное место. Каэль снял перчатки, осмотрел отмытую половину стойки, полки, очаг и ряд приведённых в порядок кружек.

– Ты осталась.

– Наблюдательный.

– Глупая.

– А вот с комплиментами надо работать.

Он положил на стойку монету. Не ту чёрную, от которой шёл холод. Обычную серебряную, с гербом крепости.

– То, что пил Терин.

Вера оставила турку на месте.

– У нас принято здороваться.

Он перевёл на неё взгляд.

– Здравствуй.

Простое приветствие далось ему с заметным усилием. Вера кивнула.

– Садитесь, командор.

– Каэль.

– Прошу прощения?

– Когда нет моих людей, Каэль.

Это была небольшая уступка, но от такого человека и её следовало заметить.

Она взяла турку.

– Крепкий?

– Да.

– С молоком?

– Нет.

– Сахар?

Он нахмурился, как при дурном донесении.

– Поняла. Чёрный, горький, чтобы соответствовал интерьеру души.

Каэль сел у дальнего конца стойки. Спина к стене. Лицом к двери. Конечно.

Вера готовила медленнее, чем для возчика, и не стала искать этому объяснение. Растёрла обжаренную жарницу камнем, пересыпала в турку, залила водой. Огонь подхватил медь снизу; напиток темнел и поднимался.

Каэль следил за её руками с той сосредоточенностью, с какой, вероятно, наблюдал за дозором. Под этим взглядом Вера начала замечать собственные движения: хватку на ручке, большой палец у горячего края, прядь на щеке.

– Что? – спросила она, не выдержав.

– Ты не боишься огня.

– После банковских писем огонь кажется честным.

Он не спросил, что такое банк. Может, запомнил на потом.

Вера дважды подняла турку в тот миг, когда пена собиралась перелиться, затем налила напиток в кружку – без молока и сахара.

Каэль посмотрел на кружку, не прикасаясь.

– Что это?

– Почти кофе.

– Что такое кофе?

Вера опёрлась ладонями о стойку.

– В моём мире это напиток для людей, которые проснулись, но ещё не простили мир за необходимость жить дальше. Горький. Горячий. Иногда лучший повод не убить того, кто заговорил с тобой утром.

Каэль поднял кружку.

– Полезная вещь.

– Я тоже так считаю.

– Ещё это ритуал.

– Ритуал?

– Сесть. Обхватить чашку руками. Пять минут не спасать мир. Вспомнить, что у тебя есть тело, а не только обязанности.

Он отнёсся к предложению пяти минут покоя как к сомнительному приказу, но кружку не отодвинул.

– У нас за такие советы могут назначить в обоз.

– Прекрасно. Там, говорят, едят чаще.

Каэль сделал глоток и ничем не выдал впечатления.

Вера даже разозлилась. На первую чашку положено реагировать: морщиться, ругаться, просить молока, хотя бы делать вид, что понравилось. Каэль молча сделал второй глоток, медленнее, затем третий.

Плечи остались напряжёнными, зато пальцы перестали стискивать кружку в ожидании удара.

– Горько, – сказал он.

– Я уже слышала этот отзыв.

– Хорошо.

Только через мгновение Вера поняла: «хорошо» было отдельной оценкой.

Она отвернулась за тряпкой, скрывая улыбку. Радоваться одному слову человека, который выдавал похвалу как военный паёк, было неловко.

– У вас в крепости все такие разговорчивые? – спросила она.

– Нет.

– Вы самый весёлый?

– Да.

Вера покосилась на него. Каэль продолжал пить. Вероятно, он пошутил; понять это по его лицу было невозможно.

– Тогда мне страшно за остальных.

Он поставил кружку.

– Почему ты не ушла?

В вопросе слышалось раздражение человека, который видит рану и не понимает, зачем её оставляют открытой.

– А куда?

– В крепость.

– Чтобы стать лишней женщиной на чьей-то кухне?

– Чтобы жить.

– Жизнь и койка в безопасном месте – не всегда одно и то же.

– Здесь небезопасно.

– Я заметила. У меня рука сковороду уже сама ищет.

– Это не смешно.

– Нет, – согласилась Вера. – Но если я перестану шутить, придётся начать кричать. А я не уверена, что потом остановлюсь.

Каэль посмотрел на очаг и промолчал.

Огонь тихо ел поленья. Снаружи ветер тёрся о стены. Где-то наверху капала вода, оставляя на полу тёмное пятно, которое Вера мысленно внесла в список завтрашних проблем.

– У меня была кофейня, – сказала Вера. – Маленькая. Шесть столиков, стойка, окно на улицу, где по утрам все бежали, точно опаздывали на собственную казнь. Я думала: если хорошо работать, место обязательно выживет. Очень взрослая и очень глупая мысль.

– Она сгорела?

– Хуже. Обанкротилась.

Он явно не понял слово.

– Её забрали долги, – пояснила Вера. – Медленно. Без мечей. Это гораздо обиднее. Каэль посмотрел на кружку.

– И ты решила открыть другую на границе смерти.

– Не решила. Но у меня здесь есть стойка, очаг и корм для ящеров, который можно продавать уставшим людям. Это уже больше, чем вчера.

– Ты упряма.

– Спасибо.

– Это не похвала.

– Поздно. Я уже приняла.

Уголок его рта едва заметно дрогнул. Вера увидела и решила не помогать ему отрицать случившееся.

Его рука лежала рядом с её пальцами. Вера взяла тряпку и зачем-то протёрла уже чистое дерево возле кружки.

Каэль проследил за этим движением, но промолчал, и неловкость от этого стала только заметнее.

Он допил. Поставил кружку на стойку.

– Сколько?

Вера назвала цену. Не завысила. Почти. Он положил две монеты.

– Сдача, – сказала она.

– Оставь.

– Я не беру милостыню.

– Это не милостыня.

– Тогда что?

– Плата за следующую чашку. Деловое объяснение согрело сильнее любой любезности.

– Следующая чашка не гарантирована, – сказала она.

– Я привык к негарантированному.

Он поднялся медленно, бережно перенося вес. Вера не поняла, мешала ему рана, бессонница или всё сразу.

– Каэль.

Он остановился у двери.

– У вас есть место, где вы спите?

Вопрос оказался личнее, чем она намеревалась, но отзывать его было поздно.

Черты Каэля застыли.

– Есть.

– Я спросила не это.

– Знаю.

Он открыл дверь. В зал ворвался холод.

– Ночью будет мороз, – сказал он. – Не гаси очаг.

– У меня мало дров.

– Уже нет.

Каэль ушёл, а Вера оставалась у двери, пока шаги не стихли. Затем закрыла засов, прильнула лбом к дереву и выдохнула.

Через час к трактиру подъехали двое солдат. Молча сложили у стены связку сухих поленьев. Большую. Хорошую. Без плесени, без снега, без объяснений.

Терин, конечно, был среди них.

– Приказ? – спросила Вера, скрестив руки.

Он посмотрел куда угодно, только не на неё.

– Распоряжение хозяйственного двора.

– Так и называется?

– Теперь да.

Вера посмотрела на дрова, затем на дорогу, где давно исчез Каэль.

– Передай вашему хозяйственному двору, – сказала она, – что следующая чашка будет крепче.

Терин просиял.

– Я так и знал, что ты не испугаешься.

– Терин.

– Да?

– Я испугалась. Дрова всё равно надо занести.

Терин перестал улыбаться и серьёзно кивнул.

Вдвоём они перетаскали поленья под навес. Потом Вера закрыла дверь, подсыпала соль на порог и вернулась к стойке.

На стойке темнело влажное кольцо от кружки Каэля. Вера стёрла его пальцем.

Очаг тихо треснул. За крепостью дышали Мёртвые земли, а в трактире пахло дымом и жарницей. Для одного вечера этого было достаточно.

Глава 6. Правила дома

Утро началось с того, что у Веры украли ложку.

Не золото и не фамильная реликвия, пережившая три поколения и один развод, а обычная деревянная ложка из ящика под стойкой. Вера отмыла её песком, кипятком и таким количеством злости, что ложкой можно было размешивать бетон.

Вера обнаружила пропажу после третьей порции серой каши, которую продала двум возчикам и одному стражнику с лицом человека, проигравшего спор судьбе.

– Ложка, – сказала она.

Стражник остановил кружку у самого рта.

– Что?

– Ложка. Была. Теперь нет.

Возчики одновременно посмотрели на свои руки, будто ложка могла оказаться там без их участия.

– Госпожа, – начал один, бородатый, с носом, когда-то сломанным и плохо собранным обратно. – Тут места такие. Вещи пропадают.

– Угу. Особенно если у вещей появляются ноги и грязные пальцы.

– Вы на что намекаете?

– Я не намекаю. Я смотрю на карман вашего приятеля, из которого торчит ручка.

Второй возчик покраснел мгновенно; за исправное кровообращение его можно было похвалить.

Он достал ложку.

– Я думал, она ничья.

Вера взяла её двумя пальцами.

– Она была в каше. Это обычно признак принадлежности.

Стражник хрюкнул в кружку. Бородатый возчик пихнул приятеля локтем. Тот положил на стойку медную монету.

– За ложку.

– За ложку, за кашу и за оскорбление моего интеллекта.

– А это сколько?

– Ещё одну монету и больше так не делать.

Он заплатил. Через десять минут Вера достала кусок старой доски, мел и написала:

ПРАВИЛА ДОМА: 1. Горячее питье оплачивается до споров. 2. Ложки не уходят гулять. 3. Кровь на полу оплачивается отдельно.

Она повесила доску над стойкой, отступила на шаг и осталась довольна.

Уже повесив доску, Вера машинально добавила мелкой строкой: «Кто сел у огня, называет имя».

К клиентам эта строка относилась меньше, чем к самому дому. Раз ему предстояло спорить с голосами мёртвых, пусть учится запоминать голоса живых.

Трактир, пока ещё упрямо называемый всеми «Чёрным порогом», начал жить.

Уют здесь не имел ничего общего с журнальными пледами, свечами и глянцевыми кружками у дождливого окна. Его приходилось вычищать из щелей вместе с грязью. Он складывался из сухих дров, кипятка без ржавого привкуса, отмытой лавки и пяти минут, когда за столом можно не держать ладонь на ноже.

К полудню пришла Лисса.

Сначала Вера приняла её за мальчишку: короткая куртка, сапоги с обмотками, капюшон до носа. Девушка подняла голову – лет двадцать пять, узкое лицо, тёмные глаза, волосы под платком. Красивой её назвали бы не все, зато в каждом движении чувствовалась выносливость.

Лисса остановилась у порога и оглядела зал.

– Слух правда?

– Смотря какой. Если про ведьму с котлом – пока нет котла.

– Про работу.

Вера вытерла руки о передник.

– А кто сказал?

– Мирра. Она сказала: у чужачки руки отвالتها, если ей никто не поможет, а тогда некому будет варить горькую дрянь для солдат.

– Это была рекомендация?

– У Мирры все рекомендации так звучат.

Вера посмотрела на девушку внимательнее.

– Что умеешь?

– Считать.

– Уже редкость.

– Мыть. Носить воду. Резать овощи. Не лезть с вопросами.

– Последнее подозрительно.

– Могу лезть, если платят больше.

Вера усмехнулась.

– Плачу едой, частью выручки и правом ночевать там, где тебя не гонят.

Лисса чуть приподняла подбородок.

– А кто сказал, что меня гонят?

– Никто. У тебя лицо человека, который сам ушёл раньше, чем ему указали на дверь.

Лисса прищурилась. Вера спокойно выдержала проверку. За годы у стойки она научилась узнавать людей, которые заходят не за напитком, а за передышкой. В старой кофейне такие садились у окна, долго выбирали самый дешёвый чай и вздрагивали от звонка телефона.

– У меня нет лишней кровати, – сказала Вера. – Но есть лавка у очага. Тёплая. Иногда.

Лисса прочитала доску с правилами и покосилась на очаг.

– Ложки правда крадут?

– Уже одна жертва.

– Тогда надо привязать к стойке.

– Ложки?

– Солдат.

Вера решила, что девушка ей нравится.

К вечеру Лисса успела вымыть три ведра посуды, отругать двух клиентов за грязные сапоги, найти под лестницей мешок сухого лука и сообщить Вере, что прежний хозяин трактира умер не от проклятия, а от глупости.

– Одно другому не мешает, – сказала Вера, разбирая старые кружки.

– Он пускал всех после заката. Даже тех, кто стучал голосом его жены.

Вера перестала перебирать кружки. Лисса заметила.

– Вам никто не сказал?

– Здесь все говорят загадками, а потом удивляются, что я не понимаю правил.

Девушка опустила голос.

– После заката открывают лишь тому, кого видят глазами. Голос, плач и просьба ничего не доказывают. Пока дом держится, Мёртвые земли не войдут без приглашения. Зато просить они умеют.

По спине Веры прошёл озноб. Вчера за дверью голос её матери просил открыть.

Это говорил не мамин голос. Мама даже во время долгой болезни не становилась жалобной, а перед смертью велела не покупать «жуткие розы в целлофане», потому что от них «пала-

той пахнет ещё сильнее». Существо за дверью ошиблось в ней – или знало правду, но выбрало не ту интонацию.

– А если открыть? – спросила Вера.

Лисса выжала тряпку.

– Тогда утром пол моют другие.

– Потрясающе. – Вера посмотрела на доску, подумала и приписала четвёртый пункт:

4. После заката дверь открывает только хозяйка. Лисса подошла, прочитала.

– Плохое правило.

– Почему?

– Хозяйку тоже можно обмануть.

– Можно. Но если умру, хотя бы сама буду виновата.

– У вас странный подход к безопасности.

– У меня был бизнес в кризис. Это почти то же самое.

К ночи в трактире осталось трое.

Лисса уснула на лавке у очага под старым одеялом. Сай, десятилетний молчаливый мальчик, пришёл за водой и остался за миску похлёбки; теперь он дремал у стены, обняв ведро. На вопросы отвечал жестами и таким взрослым недоверием, что Вера отступила: накормила, дала старый платок вместо шарфа и больше не расспрашивала.

За окнами темнело.

В этом мире тьма была другой. В городе даже позднюю улицу подсвечивали вывески, окна, фонари и красный огонёк сигнализации напротив. Здесь после заката исчезали не только предметы, но и привычное ощущение расстояния: за ставнями могло находиться что угодно, вплотную к стене.

Она закрыла ставни, проверила засов и поставила на стойку последний на сегодня кувшин с горячей водой.

Стук в дверь раздался через полчаса.

Лисса проснулась мгновенно. Сай без звука открыл глаза и прижал ведро к груди.

Вера взяла кочергу.

– Кто?

– Свои, – ответил мужской голос.

Лисса выдохнула.

– Это Бран.

– Какой ещё Бран?

– Ветеран. Однорукий. Ругается больше, чем платит.

– Рекомендация всё лучше и лучше.

Вера подошла к маленькому смотровому окошку. Снаружи стоял широкоплечий мужчина с густой седой бородой и пустым правым рукавом, заколотым у плеча. Живой. Мокрый. Злой. Она открыла.

Бран вошёл, стряхнул снег с сапог, посмотрел на кочергу в её руке.

– Этим против тени?

– Против должников.

– Тогда годится.

Он сел у очага, не спрашивая, можно ли. Вера подала ему кружку с настоем жарницы. Он понюхал.

– Это та дрянь, от которой мальчишки сегодня бегают, как крысы после зерна?

– Если не нравится, могу дать кипяток и моральную поддержку.

– Кипяток оставь врагам.

Он выпил, поморщился, потом кивнул.

– Ещё.

- Сначала оплатите.
- Я воевал за эту крепость двадцать лет.
- Поздравляю. Ложка стоит отдельно.

Бран уставился на неё, а затем расхохотался – громко, хрипло, непривычно для самого себя. Лисса отвернулась к окну, пряча улыбку; Сай смотрел на ветерана с восхищением и опаской.

– Ну, чужачка, – сказал ветеран, вытирая глаз тыльной стороной ладони, – если Рейвэн тебя ещё не выгнал, то теперь уже поздно.

- Почему?
- Потому что солдаты нашли место, где им хамят за деньги. От такого не отказываются. Вера налила ему вторую кружку. Дверь открылась спустя ещё час.

Ещё через час дверь открылась без стука. Вера узнала вошедшего по порыву холода раньше, чем повернулась: Каэль.

Он снял капюшон. Снег на висках растаял в капли, а бессонница глубже обозначила скулы и тени под глазами.

Бран перестал улыбаться, Лисса поднялась, Сай исчез под столом с отработанной быстротой.

- Каэль посмотрел на Брана.
- Тебя сегодня не было в списке патруля.
- Так я и не патрулирую, командор. Я пью.
- Вижу.
- Это пока не запрещено.
- Пока.

Бран хмыкнул, но спорить не стал. Каэль перевёл взгляд на Веру.

- Почему дверь открыта после заката?
- Потому что я посмотрела в окно и увидела живого человека.
- Вы уверены, что сможете отличить?
- Нет. Но если я буду открывать только тем, кого вы лично одобрили, придётся повесить вас рядом с засовом.

Бран закашлялся в кружку, а Лисса закрыла глаза, мысленно прощаясь с новой работой. Каэль медленно подошёл к стойке.

Когда Каэль подошёл к стойке, свободного места в зале словно убавилось. Рост и оружие были лишь частью причины. Он привык занимать пространство без суеты и извинений – так же, как крепостная стена занимает землю.

- У вас появились правила, – сказал он, глядя на доску.
- Дом без правил превращается в вокзал.
- Что такое вокзал?
- Место, где всем надо куда-то, но никто не счастлив.

Он прочитал все четыре пункта, задержавшись на третьем и особенно на четвёртом.

- После заката дверь открывает только хозяйка, – произнёс он.
- Да.
- Пятое правило: после заката дверь не открывают без моего знака.
- Нет.

Лисса едва слышно втянула воздух. Каэль посмотрел на Веру.

- Нет?
- Нет.
- Вы не поняли.
- Поняла. Вы хотите командовать моей дверью.
- Я хочу, чтобы утром вы были живы.

- Прекрасное желание. Но дверь моя.
- Трактир стоит на земле крепости.
- Тогда присылайте счёт за аренду.
- Это не игра.
- А я не играю.

Их разделяла стойка с мокрой тряпкой и глиняной кружкой. За ней Вера удерживала право распоряжаться единственным местом, которое успела назвать своим; перед ней стоял человек, привыкший выражать заботу приказами.

Каэль наклонился чуть ближе.

- Мёртвые земли не спрашивают, чья дверь.
- Зато вы спрашиваете слишком редко.

Каэль едва заметно дёрнул бровью: слова попали туда, где он не ожидал удара.

Бран вдруг поднялся.

- Пойду я.
- Сидеть, – сказал Каэль.

Бран сел. Вера взяла чистую кружку, потому что руки требовали действия, пока язык не наделал беды похуже.

- Пить будете?
- Нет.
- Тогда зачем пришли?
- Проверить.
- Меня?
- Место.
- И как место?

Каэль оглядел зал. Лиссу у очага. Сая под столом, откуда виднелись только глаза. Брана с кружкой. Чистые столы. Доску с правилами.

- Шумное, – сказал он.
- Это называется живое.

Он глянул на неё.

- Здесь это временное состояние.

Злость тяжело разгорелась в груди.

- Тогда садитесь, командор. Пока временно.

Несколько секунд Каэль смотрел на неё, затем снял перчатки. Лисса поспешно отвернулась, Бран изучал дно кружки. Вера занялась напитком, не желая признавать, что простой жест изменил настроение всего зала.

Она приготовила напиток.

С каждым разом выходило лучше: после обжарки жарнице нужно было остыть, помол требовался крупный, кипение портило вкус. Соль – на кончике ножа, молоко – по возможности. Для Каэля без синего сахара, купленного утром у старухи по цене, которую Вера уже ненавидела.

Каэль взял кружку, задев кончики её пальцев. Оба заметили прикосновение; он лишь спокойнее перехватил глину.

- У вас правило про кровь, – сказал он, переводя взгляд на доску.
- Да.
- Часто приходится применять?
- Пока только профилактически.
- Добавьте пятое.
- Вы настойчивы.
- Оружие сдавать у двери.

Бран возмутился:

– Командор!

– Не моё, – сказал Каэль, не глядя на него. – Их.

Вера усмехнулась.

– Вы правда думаете, что люди на границе с Мёртвыми землями оставят оружие у двери?

– Нет. Но если правило будет написано, они хотя бы начнут чувствовать вину, когда пронесут нож.

– Вы верите в силу вины?

– Я ею командую.

Ответ прозвучал сухо и непривычно честно.

Вера внимательнее рассмотрела тени под глазами, прямую спину и побелевшие от холода губы.

Она дописала на доске:

5. Ножи на стол не класть, если не собираетесь резать хлеб.

– Компромисс, – сказала она.

Каэль прочитал, сделал глоток и ничего не сказал.

– Что? – спросила Вера.

– Ничего.

– У вас лицо «ничего» не умеет.

Бран снова закашлялся. Каэль медленно поставил кружку.

– Вы разговариваете со всеми, будто они забрели к вам с улицы и забыли вытереть ноги.

– Обычно так и есть.

– Даже со мной?

– Особенно с вами. Остальные хотя бы выглядят так, будто могут радоваться супу.

Он долго изучал её лицо, прежде чем ответить:

– Суп у вас плохой.

Вера открыла рот и снова закрыла. Лисса тихо фыркнула у очага.

– Это потому, – произнесла Вера опасно мягко, – что я нашла в кладовке крупу, которая пахнет мокрой верёвкой, и корень, который местные по недоразумению называют овощем.

– Добавьте костный бульон.

– Где я возьму кости?

– На кухне крепости.

– Мне их дадут?

– Нет.

– Прекрасный совет.

– Украдите.

Вера уставилась на него. Каэль снова взял кружку.

– Или пришлите мальчишку. Ему дадут, если он скажет, что для меня.

Терин, если бы был здесь, наверняка подавился бы воздухом от счастья и ужаса одновременно.

Вера скрестила руки.

– Вы только что разрешили мне обманывать вашу кухню вашим именем?

– Нет. Я сказал это вслух при свидетелях. Теперь это распоряжение.

Бран поднял кружку.

– Слышали все. Командор велел кормить нас лучше.

– Я велел хозяйке меньше портить воду крупой.

– Почти то же самое.

Каэль бросил на него взгляд. Бран заткнулся, но довольно.

В тот вечер Каэль остался на двадцать минут.

Вера не следила за временем, но заметила, что Каэль пил медленнее, чем вчера, всегда выбирал место спиной к стене и напрягался при каждом скрипе снега. Сай вылез из-под стола лишь после того, как командор поставил пустую кружку.

Перед уходом Каэль задержался у двери и посмотрел на доску.

– Шестое правило всё равно нужно.

– Напишите сами.

Вера сказала это, чтобы позлить. Каэль взял мел.

Его рука была большой для маленького обломка. Почерк оказался неожиданно аккуратным, резким, без украшений.

Он написал: 6. До рассвета доживают те, кто слушает хозяйку.

Пока он писал, у Веры неприятно заныло под ложечкой.

– Это угроза или комплимент?

Каэль повесил мел на верёвку.

– Правило.

Он ушёл. Каэль вышел без привычного резкого движения, оставив пустую кружку, холодный воздух и строку, из-за которой Лисса смотрела на Веру слишком внимательно.

– Что? – спросила Вера.

– Ничего.

– У тебя лицо тоже не умеет «ничего».

Лисса убрала кружку Каэля со стойки.

– Командор написал правило в вашем доме.

– И?

– У нас мужчины обычно так не делают.

– А что делают?

– Дарят нож. Или козу. Иногда чинят крышу.

– Очень романтично.

– Это не про романтику.

Вера взяла тряпку и принялась протирать чистый край стойки.

– Конечно нет.

Далеко у крепости один раз ударил колокол. Лисса побледнела, Бран поднялся.

– Что это?

– Стена, – сказал он. – Что-то подошло к стене.

Вера посмотрела на дверь, засов и доску с правилами. Впервые ей пришло в голову, что шестую строку Каэль написал не для клиентов, а для неё.

Глава 7. Голос за дверью

Ночью трактир не спал.

Старое дерево скрипело, щели посвистывали, ставни вздрагивали. Вера лежала на узкой кровати наверху и слушала, как дом осваивается с новыми жильцами.

Пахло настоящим дымом – горьким, въевшимся в волосы и одежду. Очаг тянул плохо, трубу не чистили десятилетиями, сырые дрова шипели.

Она повернулась на бок. Под щекой хрустнула солома в матрасе.

В прежней жизни у неё была кровать с ортопедическим основанием, купленным в кредит, и подушка, которую она выбирала сорок минут, пока консультант не возненавидел её лично. Были белые стены, маленькая кухня, ночной гул холодильника, счета, звонки, письма с красивыми строками – и последний день кофейни. Потом открылась дверь не туда.

Вера крепче закрыла глаза, но память уже показывала маму на больничной кровати, отца у окна – постаревшего к шестидесяти – и бывшего мужа, который складывал вещи с аккуратностью офисного переезда: «Вер, ты сильная. Ты справишься». Слово «сильная» удобно тем, кто не собирается оставаться рядом.

Снизу донёсся протяжный шорох, похожий на ногти по наружной двери. Вера села. В комнате было так холодно, что дыхание белело, хотя очаг внизу ещё должен был греть.

Царапанье повторилось дважды, с коротким перерывом.

Вера спустила ноги на пол. Доски обожгли ступни холодом. Она нащупала сапоги, натянула шерстяную кофту поверх рубахи, взяла подсвечник. Пламя у свечи дрожало, хотя ветра в комнате не было.

На лестнице она остановилась.

Внизу у очага спала Лисса. Сай свернулся клубком на лавке рядом с ней, спрятав нос в подаренный платок. Бран ушёл ещё вечером, ворча, что старой кости лучше ломаться у себя.

Царапанье стало громче. Теперь оно шло от двери. Вера медленно спустилась.

Ступени выдавали каждый шаг. Вера поставила подсвечник на стойку и взяла кочергу.

Лисса проснулась мгновенно.

– Не открывайте, – прошептала она.

– Я и не собираюсь.

Сай сел на лавке и широко раскрыл глаза. Снаружи кто-то тихо заплакал. Вера сжала кочергу.

– Верочка...

У Веры перехватило грудь: голос принадлежал матери.

Это был не вчерашний жалобный подголосок, а мамина хрипотца после долгой болезни, её растянутые от усталости «о» и знакомая интонация из кухни: «Верочка, чай остынет».

Пальцы на кочерге начали неметь. Лисса встала.

– Не слушайте.

За дверью всхлипнули.

– Верочка, открой. Мне холодно.

Вера сделала один шаг, и Лисса тут же схватила её за рукав.

– Это не она.

– Знаю.

– Знаю, – сухо ответила Вера. Разум перечислял факты, но память уже грела мамины носки на батарее и держала стакан в последнюю ночь, когда ослабевшие пальцы не справились.

– Доченька, – позвали за дверью. – Ну что же ты.

Вера закрыла глаза. Мама говорила «доченька» только в шутку или когда просила купить нормальный хлеб вместо «безглютенового кирпича». Та интонация за дверью была чужой.

После шороха трижды тихо постучали – точь-в-точь как мама в дверь шестнадцатилетней Веры, плававшей из-за первого мальчика.

Лисса прошептала что-то на местном языке. Похоже на молитву. Сай беззвучно заплакал, закрыв уши ладонями.

Вера пошла к двери.

– Нет! – Лисса вцепилась в неё сильнее.

– Я не открою.

– Тогда зачем?

Вера не ответила.

Она подошла вплотную. Холод пробивался сквозь доски, и рядом с засовом иней складывался в тонкие ветвящиеся жилки.

– Верочка, – сказала мама снаружи. – Ты же устала. Открой. Я заберу тебя домой.

Вера положила ладонь на засов, не открывая, а удерживая себя на месте.

Глаза резко защипало, и злость помогла сдержать слёзы. Эта дрянь рылась в её памяти, как в мусорном контейнере за кафе, но плакать перед ней Вера не собиралась.

– Моя мама умерла, – сказала Вера.

Снаружи стало тихо.

– И даже если бы не умерла, – продолжила она, чувствуя, как дрожит голос, – она бы сначала спросила, ела ли я.

За дверью притихли, будто прислушиваясь.

Мамин голос засмеялся, но слишком широко и пусто. Смеялась тварь, которой голос достался вместе с чужими воспоминаниями.

– Ела ли ты? – спросило оно. – Ела ли ты, Верочка?

Лисса тихо всхлипнула.

Вера отступила, и дверь тут же содрогнулась от сильного удара. Дом вздрогнул, Сай нырнул под стол, свеча погасла.

В темноте Лисса закричала:

– Назад!

Второй удар заставил засов застонать в скобах. Вера подняла кочергу, понимая всю нелепость железной палки против существа с голосами мёртвых.

Третьего удара не последовало. Снаружи низкий холодный голос приказал:

– Отойди.

Каэль. Вера не поняла, к кому он обращался. За дверью вспыхнул режущий синий свет, просочился в щели и полоснул по полу и лицу Лиссы. Запахло озоном и железом, на языке появился медный привкус.

Существо завизжало. Раздались удар, шорох, незнакомое короткое слово, ещё одна синяя вспышка – и всё стихло так полно, что стало слышно дыхание Лиссы.

В дверь один раз постучали.

– Открывайте, – сказал Каэль.

Лисса резко покачала головой. Вера не двигалась. Снаружи Каэль произнёс:

– Хозяйка. У вас шестое правило.

Она вспомнила доску. До рассвета доживают те, кто слушает хозяйку. Проклятый человек вспомнил собственную строчку. Вера подошла к смотровому окошку, приподняла заслонку.

На крыльце стоял живой, сердитый Каэль с мечом в руке. Позади него длинное тонкое тело распадалось в серый пепел. Лицо командора забрызгала тёмная кровь – Вера надеялась, что чужая. Она открыла.

Он вошёл быстро, закрыл дверь и сам задвинул засов.

– Все целы?

– Да, – сказала Лисса.

Сай под столом издал маленький звук.

Каэль опустился на одно колено, не глядя на Веру. Заглянул под стол.

– Мальчик.

Сай втянул голову в плечи.

– Смотри на меня.

Сай не посмотрел.

Каэль снял перчатку. Медленно положил её на пол перед столом, ладонью вверх. На коже перчатки был вышит тот же знак башни.

– Видишь?

Сай кивнул.

– Пока этот знак у двери, тварь не войдёт без приглашения. Ты не приглашал?

Сай замотал головой.

– Тогда она слабее тебя.

Мальчик поднял глаза.

Каэль произнёс это без улыбки и ласки, зато с таким спокойствием, что поверил даже Сай.

Сай осторожно коснулся пальцем перчатки. Лисса отвернулась к очагу, быстро вытирая лицо рукавом.

Каэль поднялся и наконец посмотрел на Веру. Ярость, которую он сдерживал ради мальчика, вернулась.

– Вы трогали засов.

– Я не открыла.

– Вы трогали засов.

– Я сказала, что не открыла.

– Если бы я опоздал ещё на минуту...

– Но не опоздали.

Он шагнул ближе.

– Это не повод лезть к засову.

Слово задело оголённый нерв, и Вера тоже шагнула вперёд.

– А вот теперь осторожно.

– Осторожно? – Его голос стал тише. От этого хуже. – Вы почти впустили зовницу в дом.

– Я не знала, что оно так называется.

– Вам говорили не слушать голоса.

– Вы, кажется, не эксперт по тому, как не слушать мёртвых, командор.

Каэль остановился. Лисса у очага перестала дышать. Вера поняла, куда ударила: под броней там не осталось защиты.

Отступить она уже не могла. Страх, стыд, мамин голос и собственная ладонь на засове всё ещё дрожали внутри. Ей хотелось услышать, что она выдержала, а Каэль принёс ярость – ею было легче прикрыть испуг.

Он подошёл почти вплотную.

– Вы не знаете, что я слышу.

– Тогда не делайте вид, что я должна с первого раза научиться не слышать.

Каэль нависал над ней, пах морозом, кожей, дымом и металлом после магии. С воротника по виску к скуле стекла капля талого снега; Вера сердито заметила её. Каэль сказал:

– В следующий раз, когда мёртвые позовут вас голосом того, кого вы любили, отойдите от двери.

Вера подняла подбородок.

– А если они позовут вас?

Лицо Каэля опустело.

Ответ оказался тяжелее крика. На мгновение перед ней был не командор, а мужчина, годами не подходивший к дверям, потому что за каждой мог прозвучать голос, способный сломать его без прикосновения. Злость Веры ослабла, и это было опаснее самой ссоры.

Она отвернулась первой.

– Лисса, разожги огонь. Сай, вылезай. Никто не спит на полу. Командор...

– Я ухожу.

– Нет.

Каэль перевёл на неё взгляд.

Теперь уже он услышал это слово от неё второй раз за день.

– Нет? – повторил он.

– Вы в крови, от вас пахнет грозой, мальчик под столом скоро превратится в мебель, а у Лиссы руки дрожат. Вы сейчас сядете, выпьете горячее, скажете нам, насколько мы все идиоты, и только потом уйдёте обратно в свою крепость, где, я уверена, вас ждут ещё двадцать способов умереть от упрямства.

Лисса тихо кашлянула. Сай под столом замер. Каэль молча выдерживал её взгляд. Наконец произнёс:

– Вы сейчас командуете командором крепости.

– Нет. Я напоминаю правила дома.

Снаружи ветер провёл по ставням, но теперь это был просто ветер.

Каэль снял вторую перчатку.

– Горячее, – сказал он. – Без сахара.

Колени у Веры на миг ослабли. Она отвернулась к очагу, прежде чем это заметили.

Напиток готовили молча. Лисса раздувала угли, Сай выбрался из-под стола и сел рядом, поглядывая на дверь. Вера молола жарницу; ровный стук камня помогал рукам успокоиться и возвращал к настоящему залу, а не к голосу из прошлого.

Каэль сидел у стены, не выпуская рукояти меча. Расслабиться он не мог, но теперь находился внутри, и присутствие живого вооружённого человека действительно делало дом надёжнее.

Она подала ему кружку.

Когда Вера подала кружку, их пальцы встретились. Его были холодными. Ни один не отдернул руку сразу; затем Каэль забрал напиток, а Вера отступила к стойке.

Лисса очень старательно смотрела в огонь. Каэль сделал глоток.

– Зовница пришла не случайно, – сказал он.

Вера села напротив.

– Потому что я чужая?

– Потому что вы открыли место.

– Трактир?

– Дом.

Слово «дом» прозвучало тяжело, почти как предупреждение.

– Мёртвые земли голодны до таких мест. Пустой трактир их не интересовал. Проклятая дыра, где гибли пьяницы и мерзли крысы, была им полезна. Но огонь, еда, люди, правила... – Он посмотрел на доску. – Это приманка.

– Значит, дом делает всё хуже?

– Дом делает всё видимым. Огонь зовёт. Порог выбирает. Имя удерживает. Если место пустое, пустошь проходит мимо. Если место живое, она хочет войти.

– И только пустошь?

Каэль помедлил.

– Нет. Живые власти тоже замечают свет. Особенно если могут решить, что свет принадлежит им.

– Корона?

– Корона. Советники. Магистры. Люди с печатями, которые приходят позже чудовищ и остаются дольше.

– Великолепно, – сказала Вера. – Я открыла не кофейню, а светящуюся вывеску «съешьте нас первыми».

– Именно поэтому правила важны.

Вера обхватила свою кружку руками.

– То есть чем живее здесь будет, тем опаснее?

– Да.

– Замечательно. Я наконец нашла бизнес-модель, где успех повышает шанс быть съеденной.

– Закройте трактир.

Вера посмотрела на него поверх пара. Предложение было разумным, правильным, безопасным – и невыполнимым.

Он не вспылал, только на секунду устало прикрыл глаза.

– Вы не понимаете, Вера.

– Понимаю. Если закрыть дверь и погасить огонь, тени меньше заинтересуются этим местом. Люди снова будут идти от крепости до деревни без горячего. Солдаты будут жевать вашу крепостную кашу, мальчишки будут падать в дозоре от голода и усталости, Лисса вернётся туда, откуда ушла, а Сай... – Вера посмотрела на мальчика. – Сай, видимо, будет таскать воду за объедки. Зато трактир станет безопаснее. Мёртвым он понравится таким, каким был раньше.

Каэль молчал.

– Я не закрываюсь, – сказала Вера.

– Тогда вы будете выполнять мои распоряжения.

– Нет.

– Вера.

Впервые Каэль назвал её просто по имени. Низко и резко, с той яростью, которая появляется, когда чужая жизнь без спроса перестаёт быть чужой. Вера сбилась с дыхания и поставила кружку.

Вера поставила кружку.

– Если вы хотите, чтобы я что-то сделала, просите. Не приказывайте.

– Я командую гарнизоном, который держит границу с мёртвыми.

– А я держу эту стойку. У каждого своя трагедия.

Каэль выдержал её взгляд и коротко, невесело выдохнул.

– Хорошо. – Слово далось ему с трудом. – Прошу. После заката не открывайте дверь никому, кого до темноты не видели в круге света.

Вера помолчала.

– Хорошо.

– Не ходите к колодцу ночью.

– Хорошо.

– Не принимайте от незнакомцев вещи, найденные у дороги.

– Хорошо.

– Если услышите голос мёртвого, не отвечайте.

На последнюю просьбу Вера ответила не сразу. Каэль повторил её имя, и она провела пальцем по краю кружки.

– Это сложнее.

– Да.

Никакого утешения. От прямого признания стало легче. Он не притворился, что боль можно отключить одним приказом.

– Я постараюсь, – сказала она.

Каэль кивнул.

– Этого мало.

– Это всё, что есть.

Каэль медленно кивнул, принимая не победу, а скудные условия плохой зимы.

Позже, когда Лисса и Сай наконец снова уснули у очага, Вера вышла проводить Каэля до двери. Он остановился у порога, застёгивая перчатку.

Снаружи лежал серый пепел того, что он убил. Снег вокруг почернел.

У порога, где на снегу серел пепел зовницы, Каэль спросил, что она сказала. Вера объяснила: голос матери обещал забрать её домой.

Он посмотрел на иней, ещё державшийся на досках.

Вера решила, что снова перегнула, но Каэль всё же ответил:

– Они не зовут меня домой.

– А куда?

Каэль посмотрел на дорогу к крепости.

– К воротам, которые я не открыл.

Он ушёл прежде, чем Вера нашла ответ. Слов и правда не было – только холод, пепел у крыльца и недавнее прикосновение его пальцев, которое память почему-то удержала рядом со страхом.

Глава 8. Семь дней

На седьмой день Вера проснулась от запаха хлеба.

Запах был настолько неуместен в этой холодной комнате, что Вера решила: снится.

В её мире хлеб пах по утрам из пекарни за углом. Тёплый, дрожжевой, наглый. Он проник в кофейню через приоткрытую дверь, смешивался с молотым зерном, и первые клиенты входили уже побеждёнными. «Мне только американо», – говорили они, глядя на витрину с круассанами. Через минуту добавляли: «И вот это с сыром».

Здесь хлеб пах грубее. Кислее. Дымом, серой мукой и горячим камнем. Но это был хлеб. Вера открыла глаза.

Комната наверху по-прежнему была низкой, холодной и чужой. На стуле сохла её юбка. У окна стоял таз с водой, за ночь покрывшейся тонкой коркой льда. На подоконнике лежал маленький флакон мази, оставленный Каэлем. Она каждый вечер говорила себе, что завтра вернёт. Каждый вечер мазала трещины на руках.

Снизу донёсся голос Лиссы:

– Если сторит, скажу, что так и было задумано.

Потом глухой стук. Затем что-то глухо стукнуло, и по залу бесшумно пробежал Сай – мальчик умел двигаться, почти не тревожа пыль.

Вера осторожно улыбнулась в потолок. За семь дней нельзя привыкнуть к чужому миру, назвать домом место, где половицы помнят больше смертей, чем песен, и начать просыпаться от хлеба вместо ужаса. Но инструкции она всегда соблюдала плохо, даже написанные судьбой.

Она встала, умылась ледяной водой, выругалась шёпотом так, что прежние бариста зааплодировали бы, и спустилась вниз.

В зале было почти тепло.

Очаг горел ровно. На плоском камне перед ним лежали кривоватые лепёшки. Лисса сидела на корточках и смотрела на них с видом полководца, который не уверен, выиграл ли битву или случайно поджёг собственный обоз.

Сай стоял рядом с миской молотых косточек жарницы и торжественно держал деревянную ложку.

– Доброе утро, – сказала Вера.

Лисса оглянулась.

– Не знаю, доброе ли. Мука странная.

– В этом мире всё странное. Мука просто вписалась.

Сай протянул ей ложку.

– Спасибо, мой главный хранитель ложек.

Сай приложил ладонь к груди и поклонился с такой серьёзностью, что Вера сдержала смех: мальчик любил, когда его обязанности признавали настоящими.

Лисса перевернула лепёшку.

– Сегодня придёт староста.

– Знаю.

– Он скажет, что семь дней прошли.

– Знаю.

– Он приведёт людей.

– Очень надеюсь, что голодных.

Лисса внимательно посмотрела на неё.

– Вы не уйдёте?

Вера взяла одну лепёшку, обожгла пальцы, переложила с руки на руку.

– А ты хочешь, чтобы я ушла?

Лисса отвернулась к огню.

– Мне всё равно.

Сай резко посмотрел на неё. Лисса покраснела.

– Не совсем, – признала она раздражённо. – Но хотеть тут глупо.

Вера разломила лепёшку. Внутри она оказалась плотной, с паром и запахом кислой закваски.

– Знаешь, в моём мире тоже так говорили. Хотеть глупо. Начинать поздно. Вкладываться рискованно. Брать кредит – безумие. Закрывать кофейню – стыдно. Открывать новую в проклятом трактире – вероятно, клиника.

– Что такое клиника?

– Место, где лечат тех, кто слишком много начал.

Лисса фыркнула. Вера попробовала лепёшку.

Лепёшка пахла солью, дымом и грубой мукой; края немного горчили, но с маслом вышло бы хорошо.

– Не сгорела, – сказала она. – Значит, уже праздник.

День набирал силу быстро.

С утра пришли трое солдат после караула. Потом Мирра, широкоплечая кузнечиха с коротко обрезанными волосами и лицом, на котором улыбка казалась нарушением закона. Она принесла кофейную мельницу – точнее, то, что стало ею после ночи в кузнице.

– Крутить вот так, – сказала Мирра, поставив железную штуковину на стойку. – Пальцы внутри не совать. Если сломаете, чинить не буду.

– Сколько я вам должна?

– Две кружки горького. И суп, когда научитесь варить не помои.

– У вас тут с командором один кружок кулинарной критики?

Мирра посмотрела на неё.

– Рейвэн пробовал ваш суп?

– Да.

– И жив?

– Насколько это применимо к его лицу.

Кузнечиха коротко фыркнула – то ли смех, то ли привычный звук её мастерской.

Мельница работала неидеально: скрипела, выплёвывала крупные куски, требовала силы и терпения. Но жарница проходила между жерновами и сыпалась ровной тёмной крупкой. Вера смотрела на устройство почти с нежностью.

– Мирра, вы прекрасны.

– Не начинайте.

– Я серьёзно.

– Я тоже.

К полудню зал был полон так, что Вера впервые за неделю поймала себя на старом движении: мысленно делила столы по скорости обслуживания, прикидывала, кому уже пора долить, кто сидит долго с пустой кружкой, где сейчас возникнет ссора и как её погасить до того, как пол снова потребует оплату кровью.

Возчики спорили у окна. Двое солдат молча ели лепёшки. Бран рассказывал Саю, как потерял руку, и явно врал через слово, потому что в его версии участвовали три мёртвых медведя, один лорд и женщина с топором. Сай слушал, раскрыв рот.

Лисса считала монеты, Вера варила жарницу и всё время ожидала не старосту, а Каэля. Это её раздражало.

Он мог проверять стену или дозоры, пытаться спать либо просто держаться подальше от хозяйки, которая ночью едва не открыла зовнице и всё равно продолжала спорить.

К двум часам пришёл Март Долль – невысокий, сухой, с редкими седыми волосами и в шапке, которую не снял даже в тепле. Вера запомнила имя со второго раза: с первого он произнёс его так, словно выдавал под расписку. Следом вошли двое мужчин и женщина с корзиной, настороженные свидетели неприятной сделки.

В зале приглушили голоса и осторожнее застучали ложками. Март подошёл к стойке.

– Семь дней прошли.

– И вам добрый день, – сказала Вера.

– Мы договорились.

– Мы договорились, что если я за семь дней не заработаю на дрова, то пойду в крепость просить работу.

– Так.

Вера достала жестяную коробку.

Её старую коробку из-под чая, пережившую переход между мирами с достоинством консервной банки. Внутри лежали монеты: медь, чёрные крепостные, несколько серебристых, одна странная костяная, которую Бран назвал «не бери, но раз взяла, спрячь».

Вера высыпала деньги на стойку; монеты звякнули, и к ним одновременно потянулись взгляды Марта, Лиссы, Брана и Мирры.

– Это выручка за шесть дней, – сказала Вера. – Первый не считаем. В первый день я в основном ругалась с мышами. Дрова мне частично... привезли. – Она не посмотрела в сторону двери. – За часть заплачено. За муку и корень тоже. Мирре должна две кружки и суп, но это инвестиция.

– Что такое инвестиция? – спросил один из мужчин.

– Когда ты отдаёшь что-то сейчас и надеешься, что потом не будешь выглядеть идиотом.

Мирра кивнула.

– Верное слово.

Март поджал губы.

– Монет мало.

– Для дворца – наверняка. Для места, которое неделю назад считалось проклятым и пахло умершей тряпкой, – это начало.

– Зима близко.

– Я заметила.

– Дорога станет хуже.

– Значит, людям сильнее понадобится горячее место.

– Тени приходят к огню.

– Люди тоже.

Староста нахмурился.

– Чужачка, я не враг тебе.

– Отлично. А то у меня очередь.

В зале кто-то хмыкнул. Март сделал вид, что не услышал.

– Ты не знаешь наших зим. Не знаешь Мёртвых земель. Не знаешь, что этот трактир забирает тех, кто пытается его вернуть.

– Может, он просто ждал того, кто вымоет окна.

– Не шути.

– А вы не хороните меня заранее. Мне это портит настроение.

Март положил обе ладони на стойку.

– В крепости тебе дадут койку. Работу на кухне. Защиту.

– И я буду варить кашу людям, которые потом всё равно будут идти мимо пустого трактира по морозу.

– Живым.

– Живым недостаточно не умереть.

Последняя фраза прозвучала тише, однако услышали её все: Бран перестал жевать, Лисса подняла глаза, Мирра оттолкнулась плечом от стены. Вера поняла, что отвечает уже не одному Марту.

– Я не знаю ваших зим, – сказала она. – Не знаю ваших теней. Не знаю половины слов, которыми меня тут пугают. Но я знаю, как выглядит место, где люди перестают быть людьми и становятся списками: караул, раненые, погибшие, должники, лишние рты. Я такое уже видела. В другом виде. В другом мире. С другим запахом. И я не хочу снова стоять посреди пустого зала и думать, что надо было поставить ещё один стол, пока было время.

Март молчал. Вера взяла со стойки одну чёрную монету. Монету Каэля. Положила отдельно.

– Я остаюсь ещё на месяц.

– Ты не можешь сама назначать срок.

– Могу. Только что назначила.

– Крепость...

– Крепость пусть пришлёт официальный запрет. С печатью, подписью и человеком, который сможет объяснить моим клиентам, почему им больше нигде греться между караулами.

Дверь открылась, и зал снова притих. На пороге стоял Каэль.

Разумеется. Сердце ударило сильнее, и Вера тут же рассердилась на себя, на Каэля и на дверь, выбравшую этот момент.

На плаще не было снега – значит, он пришёл не из дальнего дозора. Лицо оставалось подчеркнуто спокойным, а Вера уже знала: в такие минуты окружающим лучше не делать резких движений. Март выпрямился.

– Командор.

– Староста.

– Мы обсуждаем судьбу трактира.

– Слышу.

– Чужачка должна перейти под защиту крепости.

Каэль встал у края стойки так, чтобы видеть и дверь, и весь зал.

– Должна?

Март явно пожалел о слове, но отступить не стал.

– Так безопаснее.

– Для кого?

Староста нахмурился.

– Для неё. Для деревни. Для дороги.

Он осмотрел монеты, доску с правилами и наконец Веру.

– Сколько запасов? – спросил он. Вера лишь через мгновение поняла, что вопрос обращён к ней.

– Муки на пять дней, если не кормить Брана бесплатно. Жарницы на три. Лука на неделю. Дров стало больше.

– Крыша?

– Течёт в двух местах. В третьем делает вид, что не течёт.

– Колодец?

– Работает. Ведро ненавидит меня лично.

– Ночные удары?

Март резко повернулся к ней.

– Какие удары?

Вера посмотрела на Каэля. Значит, он знал о ночном нападении и пришёл проверять не только старосту.

- Зовница была. Не вошла.
- По залу прошёл шорох. Март побледнел.
- И ты всё равно хочешь остаться?
- Да.
- Она вернётся.
- Пусть берёт номер заранее.
- Это безумие!
- Это работа.

Каэль молчал, и все ждали именно его. Март повернулся к нему.

- Командор, прикажите ей.

Вера напряглась. Не глядя на неё, Каэль взял со стойки пустую кружку и повернул в пальцах; глина тихо скребнула по дереву.

- Хозяйка не числится в гарнизоне.

Март открыл рот.

- Но земля крепости...

– Трактир у Пепельной дороги записан как дорожное имущество с правом вольного содержания при уплате зимнего сбора.

Все, включая Веру, уставились на командора.

- Что? – сказал Март.

– Устав пограничных дорог, раздел девятый. – Каэль поставил кружку. – Если найдётся вольный содержатель, способный держать огонь, воду и стол для караула, крепость имеет право взимать сбор и обязана не мешать.

Вера повернулась к нему.

- Вы это только что придумали?

Он наконец встретил её взгляд.

- Нет.

- А почему раньше молчали?

- Вы не спрашивали.

Лисса уронила монету. Та покатилась по полу и звякнула у сапога Мирры.

Март сжал челюсть.

- У неё нет бумаг.

- Будут.

- Кто подпишет?

Каэль посмотрел на старосту без всякой любезности.

- Я.

Замолчали оба – и Март, и Вера.

Вера не любила, когда за неё решали, защиту в форме клетки и мужчин, способных одним словом изменить чужую судьбу, пусть даже к лучшему. Но Каэль не объявил её своей и не даровал разрешения. Он достал из военной памяти забытое правило и положил на стойку оружием, которым она могла пользоваться сама. Опасным был не устав, а человек, сделавший это для неё.

Март отступил первым.

- Месяц, – сказал староста. – Если к концу месяца трактир принесёт беду...

- Беда уже знает дорогу, – сказал Каэль. – Трактир тут ни при чём.

С этим было трудно спорить.

Март ушёл, забрав своих свидетелей и оставив корзину с репой. Женщина, выходя, быстро сказала Вере:

- Это не от него. От меня.

И исчезла. После ухода старосты люди несколько секунд проверяли тишину, а затем разговоры вернулись.

Бран поднял кружку.

– За вольное содержание!

– Тихо, – сказал Каэль.

Бран опустил кружку.

Вера собрала монеты в коробку, хотя пальцы слушались хуже обычного.

Каэль всё ещё стоял у стойки.

– Вы знали про этот устав с первого дня?

– Да.

– И ждали, пока я сама заработаю право остаться?

– Я ждал, пока вы решите, что хотите остаться.

Вера выдержала его взгляд. За спиной Каэля снова ели, спорили и считали деньги; Сай серьёзно крутил мельницу, Мирра проверяла ставни. Трактир жил.

– А если бы я решила уйти? – спросила Вера.

Каэль ещё несколько мгновений смотрел ей в лицо.

– Я бы приказал проводить вас до крепости.

– И всё?

– И всё.

Ей глупо захотелось обидеться и спросить, было бы ему всё равно. Вера подавила вопрос.

– Вам кофе? – сказала она.

– То, что вы варили утром. С молоком.

– Это не кофе. Это пока... – Она посмотрела на мельницу, на жарницу, на пар над кружками. – Латте для пограничников.

– Латте, – повторил Каэль.

В его произношении слово «латте» звучало ещё непривычнее, чем «кофе».

– Да.

– Что значит?

– В моём мире – молоко. В моём личном переводе – попытка сделать горечь добрее.

Каэль изучил кружку, словно молоко бросало ему личный вызов, и напомнил:

– Мне без сахара.

– Я уже знаю.

Она приготовила ему чашку.

Напиток получился крепким, без сахара, с молоком и неровной дымной пеной, взбитой деревянным венчиком.

Каэль помедлил, прежде чем взять чашку.

– Вы повесили вывеску? – спросил он.

– Старую сняла утром.

– Новую?

– Ещё нет.

– Как назовёте?

Вера посмотрела в окно.

Снаружи начинался снег. Дорога уходила к крепости, дальше – к Мёртвым землям. Люди сидели за столами, потому что за стенами было холодно, страшно и далеко до рассвета.

– Кофейня у Пепельной дороги, – сказала она.

Каэль поднял чашку.

– Никто не знает, что такое кофейня.

– Узнают.

Он сделал глоток.

– Узнают, – согласился он, и на этот раз Вера ему поверила.

Глава 9. Завтрак для крепости

Первый завтрак для крепости начался до рассвета с тихой, но искренней ругани Веры. Причина была уважительная: каша.

Вчера вечером она получила из крепостной кухни мешок крупы, два ведра костей, луковицы размером с кулак и записку без подписи: «По распоряжению командора». Повар, судя по состоянию мешка, передал не самое лучшее. Крупа пахла сырой кладовкой и недоверием. Кости были хорошие, мясные, но их требовалось долго варить. Лук оказался злым. Он щипал глаза даже на расстоянии и наверняка мечтал о военной карьере.

К четырём утра Вера стояла над котлом и понимала, что, если накормит этим людей, они либо умрут, либо решат, что смерть не так уж плоха.

– Нет, – сказала она каше. – Мы с тобой так не договаривались.

Каша булькнула. Лисса, сидевшая за столом с ножом и горой лука, подняла опухшие от слёз глаза.

– Она вас не слушает.

– Все слушают. Вопрос цены.

– Чем заплатите каше?

– Маслом, солью и угрозами.

Сай крутил мельницу. Ручка скрипела в утренней тишине. Молотая жарница сыпалась в миску, тёмная и пахучая. Мальчик был сонный, но гордый: ему доверили самое важное.

За окнами ночь ещё держала двор. На востоке только серела тонкая полоска. В это время, как сказала Лисса, сменялся караул. Люди возвращались со стены промёрзшие, злые, голодные и часто слишком усталые, чтобы дойти до крепостной кухни.

Вера решила перехватить смену раньше – не только из благотворительности. Ей отчаянно нужны были деньги на крышу, муку, жарницу, оплату Лиссе, сапоги Саю и запас дров. Но она помнила и лица после ночного дозора: серые от холода, пустые, одинаково молодые у новобранцев и стариков. Такому человеку мало приказать «держишься»; ему нужна горячая миска и место, где можно сесть.

Вера сняла котёл, добавила масло, соль, толчённый жареный лук и немного молотой жарницы для запаха. Каша сразу перестала выглядеть приговором.

Лисса попробовала и после раздумья постановила:

– Какой высокий отзыв.

– Если сверху полить бульоном, будут есть.

– Они после стены. Будут есть даже сапог.

– Сапог дешевле.

– Но отзывы хуже.

К рассвету у Веры было готово: котёл каши, кувшин крепкой жарницы, второй – молочной, лепёшки с солью, бульон с луком и маленькая миска синего сахара для безумцев.

Первым пришёл Терин.

Терин открыл дверь осторожно, проверяя, на месте ли стойка, очаг и Вера. Иней мелкими иглами держался на ресницах, шарфе и плечах, губы посинели.

– Живой? – спросила Вера.

Он кивнул, но зубы стукнули так, что ответ получился неубедительным.

– Садись.

– Мне... Я только...

– Садись, Терин.

Он сел. За ним вошли ещё четверо. Один сразу опустился на лавку, уткнувшись лбом в ладони. Второй держал левую руку прижатой к груди. Третий был совсем юный, с веснушками

и выражением человека, который ночью узнал больше, чем хотел до конца жизни. Четвёртая оказалась женщиной лет тридцати, коротко стриженной, с белым шрамом через подбородок.

– Платить потом, – сказала Вера, ставя миски. – Сначала ешьте.

Все пятеро посмотрели на неё с одинаковым недоверием.

– Потом, – повторила она. – Еда остывает быстрее благодарности.

Терин улыбнулся в миску.

Они ели молча. Вера уже знала эту тишину: после холода люди сначала возвращались в руки, зубы и горло, а только потом – в собственные мысли. Иногда мыслей становилось слишком много, и тогда она доливала горячего.

Она разносила кружки, добавляла бульон, резала лепёшки. Лисса принимала монеты у тех, кто мог платить, и делала вид, что записывает долги у тех, кто не мог. Сай ходил с кувшином воды, серьёзный, как маленький дворецкий.

Через полчаса зал заполнился сменами караула. Люди входили с улицы, оттаивали, сипло ругались и смеялись. Одни не верили, что накормят до расчёта, другие пытались торговаться, пока Лисса не смотрела на них поверх долговой записи.

Бран появился, как всегда, вовремя для еды и поздно для работы.

– Завтрак для крепости! – объявил он с порога. – А я говорил, что женщина с кочергой далеко пойдёт.

– До вашего стола и обратно, – сказала Вера. – Садитесь.

– Мне двойную порцию. Я старый.

– Вам обычную. Вы наглый.

– Наглость требует сил.

Вера всё-таки дала Брану двойную порцию: одной рукой глубокую миску удерживать было неудобно, и ел он медленнее остальных.

К восьми утра завтрак удался, к девяти Вера уже ненавидела успех. Ещё через час болели спина, плечи, руки и неизвестная прежде мышца под правой лопаткой. Лисса считала выручку с выражением человека, увидевшего чудо и подозревающего мошенничество.

– Мы заработали больше, чем за два прошлых дня, – сказала она.

Вера вытерла стойку.

– Минус крупа, лук, дрова, молоко, масло, ремонт крыши, твоя доля, сапоги для Сая...

Сай, сидевший на полу с кружкой молока, резко поднял голову.

– Да, тебе сапоги, – сказала Вера. – Не делай вид, что не понял. У тебя пальцы скоро будут отдельно от ног подавать прошение о переселении.

Сай посмотрел на свои обмотки, затем на Веру и быстро опустил глаза.

Лисса тихо сказала:

– Он не привык.

– К сапогам?

– К тому, что обещания выполняют.

Вера не нашла ответа: открылась дверь, и вошёл Каэль.

После утреннего гомона зал лишь слегка притих. К командору у стойки уже привыкали, но голоса всё равно стали ниже, спины выпрямились, а Бран оборвал историю, где число врагов росло с каждым пересказом.

Каэль пришёл в боевой коже и тёмном металле, с инеем по подолу плаща. По лицу было ясно: нескольким подчинённым он уже испортил утро и ещё не решил, достаточно ли.

Вера, уставшая до состояния честности, сказала:

– У вас лицо человека, который сейчас кого-нибудь уволит из жизни.

В зале кто-то из солдат поперхнулся. Каэль остановился у стойки.

– Уволит?

– Не берите в голову. Профессиональный жаргон другого мира.

– Звучит полезно.

– Очень. Что будете?

– Я пришёл не есть.

– Это не ответ, а попытка уйти от заботы.

Он осмотрел котёл, миски, солдат и Лиссу с деньгами.

– Вы устроили столовую.

– Кофейню с завтраком.

– Это отвлекает солдат от распорядка.

– Они сидят здесь после смены. Если ваш распорядок требует, чтобы люди падали лицом в снег от голода, я готова обсудить его с автором.

Терин втянул голову в плечи, а Бран расплылся в довольной улыбке. Одного движения головы Каэля хватило, чтобы улыбка исчезла.

– Солдаты обязаны возвращаться в крепость после караула, – сказал Каэль. – Отмечаться у десятника. Сдавать доклад. Получать пищу на кухне.

Женщина со шрамом через подбородок поднялась.

– Командор, с позволения.

– Говори, Риса.

– Мы отметились. Десятник послал нас сюда, потому что на кухне опять каша с камнями.

– Каша с чем?

– С крупой, командор. Но разница невелика.

Вера опустила глаза, но Каэль заметил улыбку.

– Вам смешно?

– Нет. У меня лицо такое.

– Оно плохо врёт.

– Учусь у лучших.

Лисса кашлянула и с преувеличенной поспешностью занялась полкой.

Каэль снял перчатки. Движение становилось привычным, и именно это тревожило Веру: она уже ждала, когда он оставит кожу и металл рядом с кружкой, знала белый шрам между большим и указательным пальцами и не могла притвориться, что не замечает.

– Садитесь, – сказала она.

– Я сказал, что не пришёл есть.

– А я не спрашивала, зачем пришли.

Каэль несколько мгновений смотрел на неё, затем сел у стойки, а не за дальний стол.

Вера поставила перед ним миску каши.

На миску он посмотрел с подозрением, достойным политического заговора.

– Что это?

– Завтрак.

– Я не просил.

– Я помню. Это добавляет мне удовольствия.

– Хозяйка...

– Командор.

Она поставила рядом кружку молочной жарницы. Без сахара. Он перевёл взгляд с кружки на Веру.

– Вы решили кормить меня насильно?

– Нет. Если вы упадёте в обморок от голода, мне придётся объяснять людям, почему на полу лежит их страшный командор, а правило про кровь не покрывает репутационные потери.

Бран не выдержал и фыркнул. Каэль даже не повернулся.

– В крепости есть кухня.

– Ваши солдаты уже дали ей отзыв.

– Солдаты жалуются всегда.

– Люди жалуются на то, что ещё надеются изменить. Когда перестают жаловаться, вот тогда плохо.

Каэль замолчал. Вера пожалела о сказанном: правда иногда входила без стука, после чего всем приходилось притворяться, что это обычный сквозняк.

Он попробовал кашу. Вера ждала оценки с преувеличенным равнодушием, пока Каэль не съел вторую ложку.

– Лучше, – сказал он.

– Чем что?

– Чем суп.

– От вас дождёшься комплимента, состаришься, умрёшь и станешь зовницей у двери.

Несколько человек притихли: шутка подошла почти вплотную к общему страху. Каэль поднял глаза и попросил не говорить так – тем же ровным голосом, но с натяжением под ним. Вера кивнула.

– Хорошо.

Он вернулся к еде. Никто не объявлял это событием, однако заметили все: командор сидел у стойки и ел кашу, а не проглатывал паёк на ходу над картой потерь. Мир не рухнул. Солдат с веснушками попросил добавки, Риса пообещала привести завтра ещё троих, Терин перестал отчаянно выпрямлять спину.

Каэль видел перемену и был ею недоволен – не из-за еды, а из-за места, куда его люди начинали хотеть возвращаться.

Когда он допил жарницу, Вера поставила ему маленькую лепёшку с синим сахаром.

– Это что?

– Десерт.

– Уберите.

– Даже не попробуете?

– Нет.

– Боевой командор крепости боится лепёшки?

– Я боюсь последствий вашего энтузиазма.

– Разумно. Но всё равно попробуйте.

Каэль не двигался. Вера наклонилась к нему и тихо объяснила, что сладкая лепёшка улучшает людям день: они увидят, как грозный командор ест десерт и не казнит повара. Он посмотрел на неё с близкого расстояния; во рту у Веры пересохло.

Он взял лепёшку.

Откусил маленький кусок. Синий сахар растаял на горячем тесте, оставив блестящую полоску.

– Ну? – спросила она.

– Холодит язык.

– Да. Местный сахар вообще ведёт себя как недружелюбная мята.

– Мята?

– Травы. Потом покажу, если найду.

После её «потом» они ненадолго замолчали. Обычное бытовое слово вдруг потребовало будущего, и Каэль первым отвёл глаза.

– Завтрак не должен мешать распорядку.

– Значит, составим новый.

– Мы?

– Я составлю. Вы будете хмуриться и делать вид, что это ваш приказ.

Бран тихо сказал кому-то:

– Женщина жить хочет красиво и недолго.

Каэль услышал.

– Бран.

– Молчу, командор.

– Начинайте молчать раньше.

– Так точно.

Вера взяла чистую тряпку, чтобы занять руки.

– Я серьёзно. Караул заканчивает смену – они отмечаются у десятника, потом сюда. Пол-часа на еду, потом крепость. Я могу готовить к двум сменам. Если будут приносить кости и крупу, цена для гарнизона ниже. Для возчиков выше. Для тех, кто ворует ложки, налог.

Каэль слушал без перебиваний, как доклад о стене: взвешивал и запоминал. После мужчин из прежней жизни, которые ждали паузы, чтобы объяснить ей всё правильно, это было непривычно приятно и делало её завтрак настоящим делом.

– Письменный расчёт, – сказал он.

– Что?

– Сколько крупы, костей, дров. Сколько людей. Время. Долги. Потери.

– Потери ложек?

– Особенно.

Вера усмехнулась.

– Сделаю.

– Лисса умеет писать?

– Считать умеет. Писать... – Вера посмотрела на девушку.

Лисса замерла у полки и осторожно ответила, что пишет немного. В голосе прозвучало предупреждение; Вера не стала расспрашивать.

– Значит, я напишу, она проверит цифры.

Каэль кивнул и поднялся. Люди начали выпрямляться, но после одного его взгляда срочно занялись мисками.

– Я пришлю десятника, – сказал он Вере. – Обсудите порядок.

– Вы доверяете мне кормить ваших людей?

– Нет.

– Прелестно.

– Я доверяю результату. Пока.

– А мне?

– А мне? – спросила Вера и сразу услышала лишнее в собственном вопросе. Каэль помедлил с ответом.

– Вы почти открыли дверь зовнице, – сказал он.

– Спасибо за напоминание. Очень украшает завтрак.

– Вы спорите с приказами.

– Когда они плохо сформулированы.

– Вы не знаете наших законов.

– Зато быстро осваиваю лазейки.

– Вы называете трактир домом через семь дней после того, как чуть не замёрзли в нём.

– У всех свои недостатки.

Ответ задел его. Наконец Каэль сказал: Слова о голодных прозвучали как настоящий ответ. Каэль надел перчатки.

– Поэтому пока доверяю двери.

– Двери?

– Той, которую вы держите.

Каэль ушёл. Вера задержала взгляд на закрывшейся двери, пока рядом не появилась Лисса.

- Пока доверяет двери, – повторила она.
- Не начинай.
- Я ничего не сказала.
- У тебя лицо говорит.
- У меня лицо честнее вашего.

Вера занялась грязными мисками. Через окно она увидела, как Каэль выслушал Терина у крыльца, кивнул и перед уходом оглянулся. Их взгляды встретились сквозь мутное стекло; Вера осталась на месте.

В тот день Вера составила первый расчёт завтраков, трижды пересчитала выручку и к вечеру поняла: кофейня уже не была безумной попыткой удержаться на ногах. Она стала частью дороги, а дорога приводила не только голодных.

После заката в дверь постучал десятник с мешком крупы, двумя связками дров и списком смен.

А под списком, чужим аккуратным почерком, было приписано:

«Суп всё ещё плохой. Каша годится».

Вера дважды прочитала записку и убрала её в жестяную коробку рядом с чёрной монетой. Бумага могла пригодиться – так она назвала это и спорить с собой не стала.

Глава 10. Лисса считает чужие тайны

Лисса считала лучше, чем Вера ожидала.

Она ловила недоплату быстрее, чем Вера успевала поставить кружку на стойку. Рыжий пограничник попытался уйти без монеты за сломанную ложку, Лисса даже головы не подняла.

– Недоплатил.

– Я не ломал ложку.

– Она перегрызла себя от горя?

Рыжий покраснел, бросил монету и вышел в снег, бурча про разбой среди приличных женщин. Вера отвернулась к полке, чтобы не улыбаться ему в спину.

Кухня пахла жареной крупой, щёлоком и вчерашним дымом. Через неделю это уже напоминало победу: пол не лип, ножи лежали чистыми, полотенца можно было дать человеку, не опасаясь проклятия.

– Нам нужен список, – сказала Вера.

– Кого выгнать?

– Чего купить.

– Это почти одно и то же.

Вера записала: мука, соль, синяя сладость, дрова, мыло, тряпки, кружки. Потом подумала и добавила: ложки.

У столов появились привычные хозяева: у очага сидели те, кого не отпускал холод стены, у окна – те, кому требовалось видеть дорогу. Вера радовалась и одновременно боялась: потеря живого места болит сильнее.

– Ты раньше работала с деньгами? – спросила она.

Лисса на мгновение перестала считать и слишком быстро ответила:

Вера не стала давить.

– Значит, талант.

– Не талант. Если дома мало еды, быстро учишься помнить, кто сколько съел.

Она сказала это без жалобы. Вера вытерла ладонь о передник, прежде чем ответить.

– У меня тоже так было.

Лисса подняла взгляд.

– В твоём южном городе?

– В моём городе, – сказала Вера, – тоже иногда приходилось помнить, кто сколько съел.

Дверь открылась без звона.

Вера уже различала посетителей по двери: деревенские толкали плечом, солдаты резко распахивали и сразу проверяли углы, Терин задевал колокольчик локтем и извинялся. Каэль обращался с дверью как с частью строя.

На этот раз вошёл другой человек.

На пороге стоял худой мужчина в тёмно-зелёном плаще, с кожаной сумкой и волосами, собранными серебряной застёжкой. Лицо вытянутое, глаза внимательные, но не холодные.

Он вдохнул и поморщился.

– Пахнет так, будто кто-то пытался поджарить болотный орех и проиграл.

Лисса выпрямилась.

– Магистр Орн.

– Вера, – сказала она. – Хозяйка.

Орн осмотрел пол, стойку и полки; этого ему хватило для первого заключения.

– Уже хозяйка?

– Пол мыла я. Значит, да.

Лисса тихо фыркнула.

Он положил тонкие пальцы на стойку, проверяя старый дом почти как больного.

– Мне сказали, вы поите солдат отваром из жарницы.

– Не отваром. Напитком.

– Из жарницы.

– Да.

– Той самой, которую нормальные люди дают выючным ящерам перед тяжёлой дорогой.

– Нормальные люди много чего делают странно, если их вовремя не остановить.

Орн изучал её чуть дольше, чем требовала вежливость. Вера спокойно дождалась конца проверки.

– Заварите, – сказал Орн.

Вера дробила тёмные маслянистые косточки в ступке. Ровный стук заполнял паузы в разговоре.

– Вы всегда так медленно? – спросил Орн.

– Когда торопишься, получается грязная вода с претензиями.

Она прогрела кружку, засыпала помол в узкий глиняный сосуд и дважды сняла его при подъёме пены. Запах углубился: дым, сухой орех, горькая трава и слабая шоколадная нота.

Орн сделал первый и второй глоток без видимой реакции, что Веру даже обидело: солдаты хотя бы кашляли, ругались и просили ещё.

– Сколько чашек в день вы даёте солдатам?

– Сколько покупают.

– Это плохо.

– Начинается.

– Что?

– Мужчина с образованием объясняет женщине у плиты, что она всё делает неправильно.

Лисса кашлянула в кулак. Орн едва приподнял бровь.

– Образование у меня есть. Плиты я боюсь. Женщина у плиты, кажется, тоже опасна. Но жарница – стимулятор. А у крепостных клятв своя цена. Эти люди и так спят плохо. Если лить в них бодрящий настой вёдрами, часть начнёт дрожать, часть перестанет есть, у привязанных к стене могут пойти срывы.

Вере стало холодно.

– Срывы чего?

– Сна. Памяти. Иногда – рассудка.

Мешок на полке перестал быть одним лишь спасением. Напитком можно было навредить.

– Сколько можно?

– Обычному человеку две чашки в день. Три, если он крупный и не идиот.

– А если идиот?

– Идиотам лучше воду.

– Половина моих клиентов разорится на воде.

Орн едва заметно усмехнулся.

– Клятвенным солдатам – одна крепкая утроем. Вторая только с едой. Ночью лучше слабый настой или с молоком.

– Командору?

Вопрос о командоре прозвучал быстрее, чем Вера собиралась. Лисса и Орн одновременно посмотрели на неё.

– Каэлю лучше вообще не пить того, что отнимает сон.

– Он не спит.

– Да.

– Сколько?

Орн покосился на дверь.

– Иногда час за трое суток. Иногда меньше.

Вера вспомнила чёрный плащ, отметины на запястье и лицо человека, которого давно никто не спрашивал, сколько сил осталось.

– Почему?

– Это его дело.

– Если он пьёт мой кофе, уже не только его.

Орн внимательнее посмотрел на неё.

Прямого отказа он не дал, и Вера это отметила.

– И ещё один вопрос, – сказала Вера. – Если жарница может вредить, почему о ней раньше никто не говорил?

– Потому что пока это был корм для ящеров, столице было всё равно.

– А теперь?

Орн оглядел доску с правилами, чистые кружки, Лиссу с углём за ухом и Сая у ведра.

– Теперь это уже не корм. Это ремесло чужачки, которая строит живое место у Мёртвых земель. Такие вещи рано или поздно попадают в королевские списки.

– У списков есть лицо?

– У самых неприятных – да. Эвин Мар. Если услышите это имя, не улыбайтесь ему из вежливости.

– Я вообще редко улыбаюсь из вежливости.

– Тогда у вас есть шанс.

Вера взяла доску с меню, стёрла старую строку и вывела крупно:

ОДНА КРЕПКАЯ ЧАШКА УТРОМ. ВТОРАЯ – ТОЛЬКО С ЕДОЙ. ТРЕТЬЯ – ЕСЛИ ХОЗЯЙКА РЕШИТ, ЧТО ВЫ НЕ ДУРАК. Лисса прочитала.

– Будут спорить.

– Пусть.

– Будут ругаться.

– Пусть сначала заплатят.

Орн положил на стойку серебряную монету.

– Купите ложки.

– Я его уважаю, – сказала Лисса.

– Не начинай, – бросила Вера.

У двери Орн остановился.

– Для Каэля: тёплое молоко, слабая жарница, сонная трава, если не почувствует привкус.

Щепоть соли. Никакой сладости, он её ненавидит.

– Все так говорят о том, что давно не пробовали.

– Он правда ненавидит.

– Посмотрим.

У двери Орн ещё раз внимательно посмотрел ей в лицо.

– Не пытайтесь его чинить.

– Я кофейню чиню. Людей не умею.

– Умеете. Поэтому и предупреждаю.

К полудню новое правило уже ненавидели. Бран, ветеран с одной рукой, заявил, что всю жизнь пил сколько хотел. Вера положила перед ним лепёшку.

– С едой будет вторая.

– Я не просил лепёшку.

– Зато я попросила вас быть не дураком. Мы оба страдаем.

Бран заржал так, что у окна подпрыгнули двое молодых солдат.

К вечеру правило приняли как плохую погоду: с руганью, но без надежды отменить. Лисса ставила зарубки напротив имён. Терин попытался назваться другим именем и покрас-

нел раньше, чем договорил. Сай, молчаливый мальчишка, таскавший воду за похлёбку, сам показывал пальцами, кто уже пил дважды.

Вера устала, но была довольна: правила превращали случайный приют в настоящее заведение.

Вечером пришёл Каэль.

Каэля зал узнал раньше Веры: разговоры стихли, плечи выпрямились, ладони крепче сжали кружки. Командор прочитал доску и повернулся к хозяйке.

– Это что?

– Буквы.

– Я вижу.

– Тогда вопрос шире, чем я думала.

Он подошёл к стойке.

– Кто дал вам право ограничивать моих солдат?

Вера посмотрела ему в глаза.

– Первый человек, который заплатил мне за грязную кружку.

На дальнем столе кто-то поперхнулся.

– Мои люди несут службу. Им нужна бодрость.

– Вашим людям нужны руки без дрожи и способность хотя бы иногда спать.

Он наклонился через стойку, и Вера с благодарностью вспомнила, зачем между клиентом и хозяином нужен широкий деревянный барьер.

– Вы говорили с Орном.

– Он сам пришёл.

– И вы решили, что теперь знаете, как держать гарнизон.

– Нет. Я решила, что знаю, как не угробить человека чашкой.

Каэль задержал на ней взгляд и тихо переспросил:

– Людей, – сказала она. – Ваших людей. Моих клиентов. Называйте как хотите.

Он выпрямился.

– Мне сколько чашек позволено?

За спиной Веры Лисса с чрезмерным усердием переставляла посуду.

Вера взяла чистую кружку.

– Вам сегодня – ни одной крепкой.

В зале прекратили звенеть ложки.

– Я не просил разрешения.

– А я не просила вас приносить дрова.

Его глаза сузились.

– Это было распоряжение крепости.

– Конечно. Очень заботливая крепость.

Она подала ему кружку: слабая жарница, молоко, щепоть соли и капля синего сахара, потому что Орн сказал «ненавидит», а Вера привыкла проверять чужие окончательные мнения.

– Пейте.

– Что это?

– Напиток для людей, которые долго делают вид, что они каменные.

– Я не заказывал.

– У вас лицо человека, который сейчас либо выпьет, либо начнёт казнить мебель.

Бран закашлялся, пряча смех. Каэль сделал глоток и остановился.

– Сладкое.

– Едва.

– Я ненавижу сладкое.

– Вы ненавидите всё. Это не помогает составлять меню.

Он долго смотрел на Веру – без злости, но так внимательно, что во рту пересохло. Затем допил.

- Завтра мои люди получают крепкий напиток перед рассветной сменой.
- Если поедят.
- Вы торгуетесь с приказом?
- Я торгуюсь со всеми. Это моя лучшая черта.
- Сомневаюсь.

Пустую кружку он поставил ближе к Вере, а не к краю стойки, и этот аккуратный жест заменил ответ.

После его ухода разговоры возвращались постепенно. Лисса забрала кружку.

- Ты совсем без страха?
- Вера перевела взгляд на дверь.
- Нет. У меня много дел.
- Это хуже.
- Для кого?
- Лисса глянула на пустую кружку.
- Пока не знаю.

Глава 11. Ночная чашка

После полуночи кофейня оставалась наедине с ветром.

Днём кофейня говорила сапогами, кружками, спорами о ценах и смехом Терина, доказывавшего, что вторая лепёшка нужна для службы. Вечером звучали огонь и усталые солдаты, молчавшие над мисками тяжелее, чем полагается за обычным ужином. После полуночи оставались дом, порог и скрежет снаружи – проверка, не устали ли живые держать тепло.

Вера полюбила этот час против собственной воли и боялась его тоже. Здесь отдых назывался слабостью, но именно в эти минуты она сильнее всего чувствовала дом своим.

В ту ночь она сидела на низкой табуретке у очага, держа чашку с горячей водой и травой, которую Лисса называла «бабкиным упрямством». Трава пахла сеном и аптекой. Кофе хотелось так сильно, что пальцы сами тянулись к мешочку жарницы, но хозяйка не имела права вводить правила и первой же их нарушать.

Хозяйка, правда, имела право ненавидеть собственные правила. За дверью что-то глухо ударилось о крыльцо.

Вера не вскочила, и это уже значило, что она привыкает.

Она поставила чашку, взяла железный прут и остановилась в нескольких шагах от двери, прислушиваясь.

После тишины по дереву тяжело провели чем-то острым.

– Если ты мёртвое, – сказала Вера устало, – у нас закрыто.

Ответа не было. Второй удар вышел тише и почти по-человечески.

– Назови себя.

За дверью закашлялись.

Живой кашель отличался от мёртвого. Мёртвые голоса были слишком чистыми, слишком точными. Они могли изобразить боль, но не беспомощную злость человека, у которого кровь в горле, а он всё же пытается не упасть.

Вера отодвинула засов. Ветер ударил в лицо снегом.

На пороге держался Каэль: одной рукой за косяк, другой за меч. По плащу, рукаву и перчаткам стекала густая чёрная кровь с серебристым отливом.

Вера успела подумать о только что вымытом пороге, а затем поняла, что Каэль сейчас упадёт.

– Входите.

– Закрой дверь.

Голос у него был низкий, сорванный.

– Сначала войдите.

Первый шаг он сделал сам, на втором покачнулся. Вера протянула руку, но его взгляд остановил её без слов, и она отступила.

Каэль вошёл. Вера захлопнула дверь, задвинула оба засова и только после этого выдохнула.

В зале запахло холодом, железом и чёрной кровью. От неё во рту появился привкус меди.

– Садитесь.

– Нет.

– Конечно. Вы же пришли постоять и украсить пол.

Каэль посмотрел вниз. Чёрные капли уже тянулись от двери к стойке.

– Это не моя.

– Я рада за вашу кровь. Садитесь.

Он выбрал стул у стены, лицом к двери. Даже обессилев, Каэль садился так, чтобы видеть возможное нападение.

– Не надо лекаря, – сказал он, когда Вера пошла за водой.

– Я ещё не предложила.

– Предложишь.

– Сначала предложу снять плащ. Потом посмотрю, нет ли дыр в вас. Потом лекаря.

– Нет.

Она вернулась с тазом, тряпками и последним чистым полотенцем.

– Каэль. – Имя вырвалось без титула, но он не поправил, лишь посмотрел на неё. Усталость проступала сквозь суровость слишком явно.

– Я не буду звать Орна, если увижу, что вы целы, – сказала она. – Но если вы истекаете кровью из мужской гордости, я позову Орна, Лиссу, Брана и того рыжего болтуна, чтобы они держали вас за ноги.

– Терина.

– Что?

– Рыжего болтуна зовут Терин.

– Прекрасно. Он будет счастлив.

Каэль закрыл глаза, собираясь с силами, затем расстегнул плащ.

Под тяжёлой мокрой тканью оказался рассечённый у плеча доспех. Порез был неглубоким; на шее тянулась царапина, на скуле – ссадина, у виска к коже прилипла тёмная прядь. Он был жив, и Вера выдохнула заметнее, чем хотела.

– Я сказал, кровь не моя.

– Люди часто ошибаются в простых вещах.

– Ты проверяешь всех клиентов на целость?

– Только тех, кто пачкает мне пол после закрытия.

Рану нужно было промыть. Вера не была лекарем, но порезы, ожоги и разбитые костяшки видела достаточно часто. Раньше они случались из-за стаканов, кофемашины и пьяных посетителей, а не из-за ночной твари у Мёртвых земель.

– Это надо снять.

– Нет.

– Я не смогу промыть рану через кожу.

– Не надо.

– Вы пришли ко мне.

– Я пришёл к огню.

– Огонь не будет с вами спорить. Поэтому вам не повезло: здесь я.

Она протянула руку к застёжке на его плече.

Каэль мгновенно перехватил её запястье. Пальцы сжались жёстко, но не больно, и оказались горячими вопреки снегу, ночи и чёрной крови. Он посмотрел на свою руку и отпустил.

– Не стой так близко, – тихо сказал он, без привычного приказа. Вера осталась на месте.

– Почему?

– Почему? – спросила она и сразу пожалела.

Каэль не ответил.

– Потому что у вас меч? – спросила она. – Или потому что вы не любите, когда вас видят живым?

Черты Каэля застыли.

– Вера.

– Ладно. Молчу.

Вера не стала ждать разрешения и сняла застёжку. Каэль больше не мешал.

Работа помогала. Пока пальцы заняты ремнями, водой и тканью, у головы меньше времени на глупости. Вера отодвинула край рубахи. Кожа под ней была в старых шрамах: белых,

серых, тонких, грубых. На плече тянулась свежая красная полоса, из которой медленно сочилась кровь.

Кровь из раны была обычной красной, и это одновременно успокаивало и пугало.

Она промыла рану. Каэль не издал ни звука. Только пальцы на подлокотнике сжались так, что дерево тихо скрипнуло.

– Больно?

– Нет.

– Врёте плохо.

– Ты уже говорила.

– Значит, память работает.

– К сожалению.

Чтобы завязать узел, Вере пришлось наклониться. Упавшую на щеку прядь шевельнуло его дыхание; Каэль сидел неподвижно.

– Всё.

– Спасибо.

Благодарность прозвучала хрипло. Он начал подниматься.

– Сидеть, – сказала она.

Его брови сошлись.

– Я не пёс.

– Пёс слушался бы лучше.

– Ты невыносима.

– Да. И у меня есть горячее молоко.

– Нет.

– Это не вопрос.

– Я не пью молоко.

– Сегодня пьёте.

– Вера.

– Каэль.

Они помолчали, глядя друг на друга. Затем Каэль устало откинулся на спинку.

– Делай что хочешь.

Вера отвернулась к кухне, чтобы он не увидел её улыбку.

По совету Орна Вера смешала слабую жарницу, молоко, соль и немного сонной травы. Синего сахара не добавила: сегодня такой спор был бы мелким.

Когда Вера вернулась, Каэль смотрел в огонь настороженно, будто и с теплом заключил лишь временное перемирие.

– Что там было? – спросила она.

– У дороги.

– Я поняла.

– Падальник.

– Это зверь?

– Был.

– До чего?

Он не сразу потянулся к кружке.

– До смерти.

Вера села за соседний стол. Стойка этой ночью слишком напоминала рабочее укрытие.

– У нас тоже так бывает.

– Звери возвращаются после смерти?

– Нет. Люди.

Он продолжал смотреть.

– В твоём южном городе странные обычаи.

– Очень.

Она обхватила свою чашку с травой.

– У нас люди могут годами жить после того, как внутри всё умерло. Ходят на работу. Платят счета. Поздравляют знакомых с праздниками. Даже улыбаются, если надо.

Каэль ничего не сказал.

Вера поняла, что сказала слишком много именно тому человеку, который способен понять.

Он сделал глоток.

– Терпимо.

– Восторг льётся через край.

– Не хочу лгать.

– А «спасибо, Вера, это лучший напиток в моей жизни» было бы ложью?

– Да.

– Невежливо, но честно.

– Лучший был вчера.

Вера подняла глаза, но Каэль продолжал смотреть в кружку, будто обсуждал качество дров. От этого его слова прозвучали ещё яснее.

– Вчера был слишком сладкий.

– Да.

– И вы его допили.

– Да.

– Почему?

Он провёл большим пальцем по краю кружки.

– Ты смотрела.

У Веры пересохло во рту. Простая причина – «ты смотрела» – попала точнее любого признания.

– Я часто смотрю, – сказала она.

– Я заметил.

После этого разговор уже не мог вернуться к прежней безопасной теме. Вера встала и объявила, что вымоет пол.

– Я уберу кровь с пола.

– Оставь. Я сам.

– Если сейчас наклонитесь с этим плечом, я позову Терина.

– Ты злоупотребляешь его именем.

– Он выглядит человеком, которого легко позвать.

Чёрная кровь тянулась по доскам серыми разводами. Вера тёрла сильнее необходимого: пол был проще, чем молчащий Каэль с её кружкой в руках.

Когда пятна исчезли, Вере показалось, что в зале стало теплее.

– Ещё? – спросила она и, не получив ответа, подошла ближе. Каэль спал сидя, спиной к стене, всё ещё держа кружку. С лица ушло напряжение, и он выглядел не моложе, а просто человеком, которому когда-то позволяли засыпать без меча.

Вера простояла рядом несколько минут, осторожно вынула кружку и испугалась сильнее, чем при виде крови. Такой человек не выпускал предметов из рук и не спал у чужого огня. Сейчас он доверил комнате больше, чем, вероятно, собирался.

Она накрыла его старым колючим пледом, пахнущим дымом и сушёной мятой. Каэль проснулся мгновенно и больно сжал её запястье, но, увидев лицо Веры, сразу отпустил.

– Прости. – Слово далось ему тяжелее, чем рана.

– Всё нормально.

– Нет.

Он смотрел на её запястье, где уже проступали белые следы.

– Вы спали, – сказала она.

Он на миг закрыл глаза.

– Сколько?

– Недолго.

– Сколько?

– Минут семь. Может, десять.

Вера ждала злости, стыда или приказа молчать. Каэль лишь провёл ладонью по лицу и тихо повторил: «Семь минут». Удивление в его голосе заставило её сесть.

– Это хорошо?

Он взглянул на неё.

– Я не спал так с осени.

За стеной выл ветер, со стороны крепости прошёл ночной сигнал. Мир оставался опасным: стена держала смерть, у Каэля болело плечо, у Веры вместо старой жизни была чужая, у кофейни – долги и мутные окна. Но семь минут сна уже случились, и отменить их было нельзя.

– Тогда завтра сделаю ещё.

Каэль долго смотрел на неё.

Фраза могла сойти за предупреждение, но Вера услышала другое: он впервые признал, что вернётся не по приказу и не ради проверки.

– Тогда я закрою позже.

Он поднялся и поймал соскользнувший плед, аккуратно, хотя и неловко, сложив его.

– Не говори никому.

– Про плед?

– Про сон.

– Я хозяйка кофейни, не городская газета.

Он не понял последнего слова, но уловил смысл.

– Не скажу, – добавила она.

У двери он остановился.

– Покажи запястье Орну, если опухнет.

– Конечно. А вы покажите ему плечо, если оно отвалится.

– Оно не отвалится.

– Моё запястье тоже.

У двери он оставался усталым, раненым и пугающим для любого разумного человека. Вера всё меньше относилась к разумным.

– Ты споришь даже когда заботишься.

– А вы заботитесь так, будто угрожаете.

– Привычка.

– У меня тоже.

Уголок его рта на мгновение дрогнул.

После ухода Каэля Вера задвинула засов и посмотрела на снова испачканный порог. Тряпку взяла не сразу: сперва подняла сложенный плед, на один вдох прижала к себе, а затем до рассвета отмывала пол, сердясь на собственную слабость.

Глава 12. Слухи

К утру о том, что командор спал в кофейне, знали все.

Терин вошёл осторожно, готовый к чему угодно. Бран первым спросил, выдают ли плоды всем или только по званию. Вера ответила: замёрзшим и тем, кто не задаёт глупых вопросов. Бран признал, что ему тогда ничего не полагается.

К полудню слухи разрослись: по одной версии Каэль уснул лицом в кружку, по другой Вера держала его сон в банке под стойкой и выдавала порциями. Вторая версия ей даже понравилась.

Командор, разумеется, узнал до заката. Пришёл в полный зал и попросил поговорить – без рыка, одним именем и усталым тоном.

На кухне было жарко и тесно, и она совершенно не подходила для разговора с мужчиной, который по привычке запер дверь изнутри.

– Я просил не говорить.

– Я не говорила.

– Но знают все.

– Добро пожаловать в общепит.

Он не понял слова, но понял тон.

– Люди должны видеть во мне командира. Не человека, который засыпает в трактире.

– А это разные люди?

– Да.

Он ответил без раздумья.

Вера начала резать тесто на полосы, чтобы руки не выдали лишнего.

– В моём городе была женщина. Каждое утро – в строгом костюме, кофе без сахара, голос как приказ. Однажды расплакалась у меня за столиком, потому что у неё умерла собака. Потом умылась, покрасила губы и пошла дальше командовать. Я не стала уважать её меньше.

Каэль слушал, тщательно взвешивая каждое слово.

– Ваши люди сегодня пришли есть, шутить и разносить глупые слухи, – сказала Вера. – Но они боятся за вас, а не смеются над вами.

– Им не нужно бояться за меня.

– Запретите им. У вас хорошо получается запрещать невозможное.

Наконец он объяснил главное:

– А если оно всё равно нужно?

– Неважно.

– Для меня – да.

Ответ вырвался раньше, чем Вера успела спрятать его за шуткой.

Каэль опустил взгляд на её руки в муке.

– Не принимай меня по ночам. Если придёшь после закрытия, не открывай.

Злость вернулась, и с ней стало проще.

– Не приходите, если не хотите. Не пейте, если не хотите. Спите на стене, в снегу, вверх ногами на собственной клятве, если вам так спокойнее. Но не делайте вид, что это для меня.

В его лице впервые за разговор проступило настоящее беспокойство.

– Ты думаешь, я стыжусь?

– А разве нет?

– Я боюсь.

Они замолчали: признание уже прозвучало, вернуть его было невозможно.

Вера отвернулась к печи.

– Хорошо. Не приходите.

Каэль ушёл тихо, и от этого ссора ощущалась незаконченной.

Остаток дня прошёл криво: каша пригорела, Сай разбил кружку, Терин дважды подходил к стойке и оба раза уходил, так ничего и не спросив. К вечеру в дровнике обнаружился новый мешок лучших берёзовых поленьев с биркой Сольгарда.

– Распоряжение крепости? – спросила Лисса.

– Конечно.

Ночью Каэль не пришёл.

Ночью Вера закрыла позже обычного: перемыла посуду, пересчитала монеты, проверила очаг и дважды – засовы. Плед со стула у стены в сундук так и не убрала.

Позже на дороге слышались шаги. У крыльца никого не оказалось, зато у поворота к крепости стоял Каэль. Он не подходил и не нарушал собственного требования, только оставался там, пока в окнах горел свет.

Вера тихо выругалась и поставила у очага молоко – разумеется, для себя.

Глава 13. Сахарная ссора

Синий сахар продавал человек с хорьковыми глазами и терпеливой улыбкой того, кто заранее простил себе будущие грехи.

Вера невзлюбила его сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.